

МАРИЯ
СЕМЕНОВА

АННА
ГУРОВА

ДРАГЛА

Книга 7

ЗОЛОТЫЕ
КОРАБЛИ

Миры Марии Семеновой

Мария Семёнова

Аратта. Книга 7. Золотые корабли

«Азбука-Аттикус»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Семёнова М. В.

Аратта. Книга 7. Золотые корабли / М. В. Семёнова — «Азбука-Аттикус», 2023 — (Миры Марии Семеновой)

ISBN 978-5-389-23077-4

Воды потопа наступают с юга и севера. По всей Аратте происходят страшные и удивительные события. В Белазоре на глазах у сотен людей исчезает башня главного храма. Хаста отправляется расследовать чудо и... тоже исчезает, успев оставить берестяную грамотку с загадочным рисунком: расколотый череп, а из него к небу тянется первоцвет... В Бьярме появился новый Зарни Зьен – гусяр и великий чародей. К нему обращены надежды испуганных, отчаявшихся людей. «Спаستись очень просто, – утверждает святой певец. – Все арьи должны погибнуть – и потоп прекратится». Над степями сурьев взошло Гневное Солнце. Переселенцы из Аратты, надеявшиеся переждать там потоп, оказались на жертвенниках. Но что стало с теми немногими, кто вошел в запретный мертвый город среди пустыни?.. Юный государь Аюр не находит себе места. «Море уже угрожает столице, а я по-прежнему не знаю, что делать! Для чего же я был рожден?!» Аратта на краю гибели. Но ее еще можно спасти. Нужны один выстрел и одна песня... Цикл «Аратта» – первый опыт сотрудничества создательницы знаменитого сериала о Волкодаве Марии Семёновой и талантливой петербургской писательницы Анны Гуровой, автора книжных сериалов «Князь тишины», «Лунный воин», «Книга огня», «Дети Змея» и других популярных произведений фэнтезийного жанра.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-23077-4

© Семёнова М. В., 2023

© Азбука-Аттикус, 2023

Содержание

Пролог	8
Часть 1	12
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	43
Глава 7	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

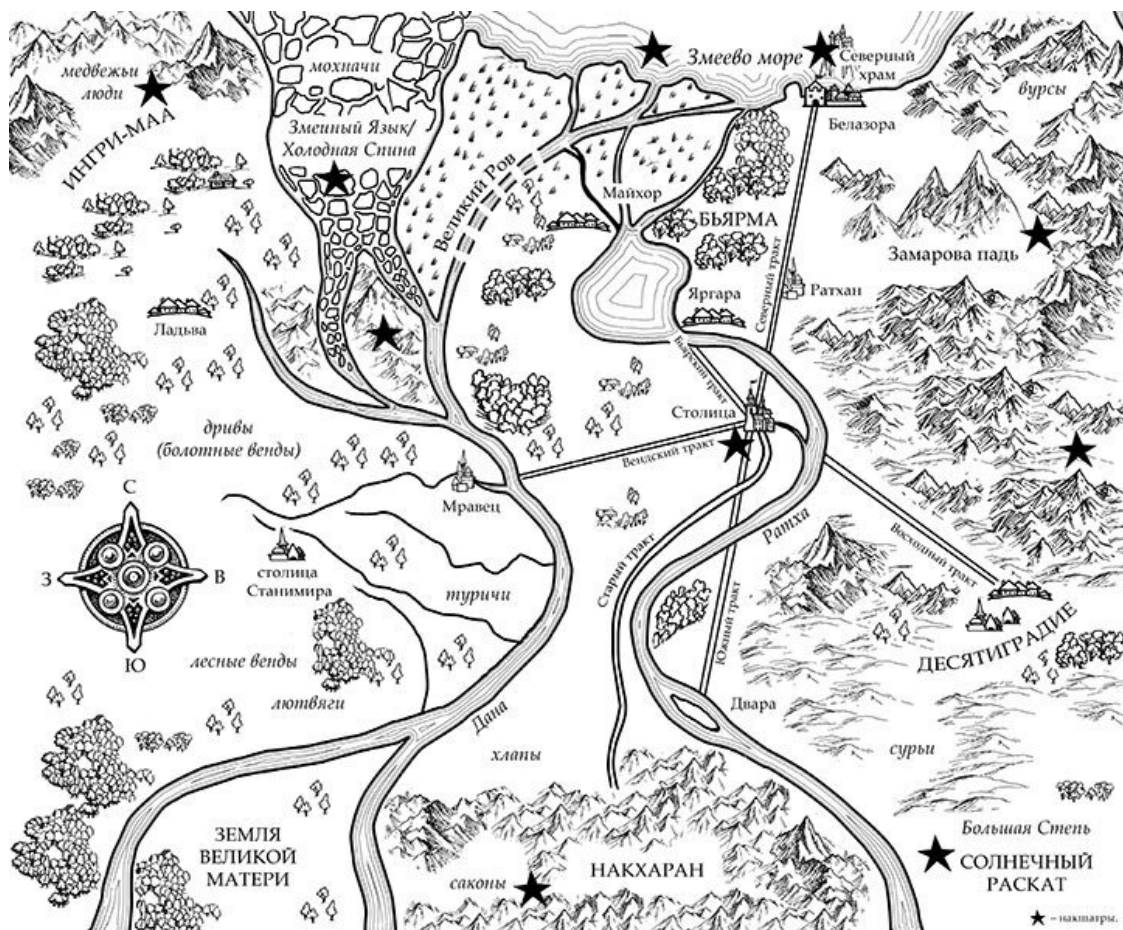
Мария Семёнова, Анна Гурова
Аратта. Книга 7: Золотые корабли

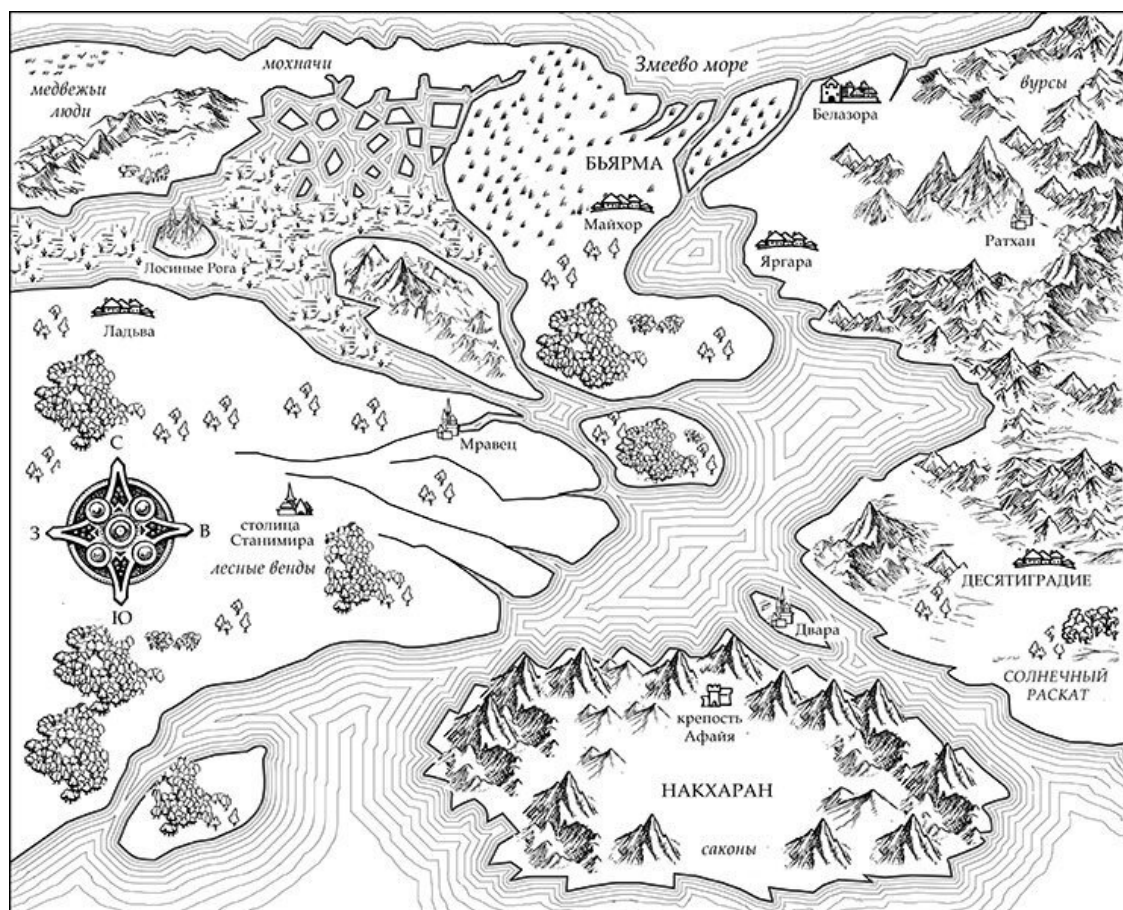
Карты выполнены Юлией Каташинской

© М. В. Семёнова, А. Е. Гурова, 2023

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Пролог Весенний свет

Белые цветы трепетали на ветру. Бьярма еще утопала в глубоких снегах, в лесах вендов только начинали темнеть проталины, а в столице Аратты уже разворачивались листья и бутоны. В саду Возвышенных Раздумий голые красноватые ветви медовника в одну ночь покрылись белыми соцветиями. От пьянящего аромата, разлитого в воздухе, кружилась голова. В нежном шелесте слышались отзвуки струн...

Аюр, отдохавший в увитой цветущими ветвями Весенней беседке, крепко зажмурился. Затем распахнул глаза и вновь уставился на лежащий у него на коленях поющий кораблик. В последнее время государь проводил с ним много времени – прямо сказать, таскал с собой повсюду, вызывая удивление царедворцев. «Нашел себе юный государь новую игрушку – бьярские гусельки», – шептались некоторые. Аюру передавали эти слова, но он не сердился. Он и сам не мог понять, почему трехструнный кораблик так запал ему в душу.

Аюр никогда не был особенным любителем музыки. Разумеется, в детстве, как всякого благородного ария, его помимо прочего обучили азам игры на читре. Вспомнив давние уроки, Аюр велел натянуть на кораблик струны и даже подобрал несколько наигрышей к песням... Но это все было не то.

«Что за чепуха лезет в голову! Это просто гусли!»

Тонкие пальцы государя забегали по струнам.

– Для слов любви нет времени. Оно
Несется прочь крупница за крупницей.
Но сердце нам для нежности дано —
Не для того, чтоб горем заходиться!
Лишь ласки просит шелк златых волос...

Аюр перестал играть, ощущая странную робость – будто невольно совершил кошунство и не понимал, в чем оно заключается. Словно он – малый ребенок, который самонадеянно дергает струны гуслей знаменитого на всю страну певца. Может, дело в совершенстве кораблика? В этой невесомой, словно впитавшей солнечный свет древесине, на которой даже не видно годовых колец?

Аюр тряхнул головой, прогоняя грусть, заиграл и запел дальше:

– Целуй, пока уста еще красны!
Пока тепло не поглотила выюга,
Пока он не шагнул за рубежи,
А грудь его не спрятала кольчуга...

Однако модная нынче в столице песня о любви, войне и разлуке звучала все так же неуместно и невесело...

«Может, в ней-то и дело, – подумал Аюр, вспомнив, чем закончилась попытка переселить его подданных подальше от потопа, в безопасное Десятиградие. – Сколько златовласых исчезло, и судьба их все еще темна... И сестра... Бедная сестра...»

Государь со вздохом отложил поющий кораблик.

«Он не для таких песен. Я искал божественное оружие против Змея Бездны, а вместо него Исварха даровал мне эти гусли. Ну и что мне с ними делать? Я, остановивший море, не могу разобраться с каким-то корабликом!»

Еще год назад Аюр просто с досадой выкинул бы гусли с глаз подальше и забыл о них. Но пережитое сильно изменило его. Аюр все еще бывал и высокомерным, и нетерпеливым, но внутри его как будто поселился наблюдатель – спокойный и строгий. «Не спеши с выводами, – подсказывал ему этот наблюдатель. – Не торопись, взглядишь, подумай». И Аюр учился вглядываться и не спешить – и мир начинал открываться ему новыми гранями...

Поэтому Аюр не приказал послать за танцовщицами, а продолжал думать.

«Кораблик найден в храме древних арьев... Вот бы узнать, какие песни играли на нем мои предки – первородные дети солнца... Может, Светоч знает? Или Тулум? Наверняка в их огромных хранилищах найдутся свитки с самыми древними песнями... А может... Гимны Ясна-Веды?»

Пальцы Аюра вновь забегали по струнам. Он перебирал в памяти гимны Солнцу, множество которых знал наизусть. Но пока ни один не казался ему подходящим для исполнения здесь, среди первоцветов. Гимны Исвархе поют перед алтарем с неугасимым пламенем или воздевая руки навстречу восходящему светилу...

Аюр уныло взглянул на кораблик. Тот весело золотился, казался теплым и живым.

«Зачем ты нужен?» – молча спросил Аюр.

«А ты зачем?» – будто наяву ответил ему кораблик.

– Солнцеликий, дозвожь беспокоить, – послышался за живыми стенами беседки голос невидимого слуги. – Пришел святейший Тулум!

Аюр обрадовался. Бесплодные размышления утомили его.

– Пусть святейший идет прямо сюда!

* * *

Верховный жрец Исвархи подошел к ступеням беседки и склонился в ритуальном поклоне.

– Приветствую, государь! Да озарит солнце твои следы...

– Здравствуй, дядя! Оставь церемонии, поднимайся, садись рядом со мной. Я прикажу подать угощение... – Аюр осекся, увидев выражение лица Тулума. – С чем ты пришел? Плохие вести?

– Даже не знаю, что тебе и сказать, Аюр... – Тулум бросил взгляд на два свитка, которые держал в руке. – Вести есть, и они... весьма необычны. И скверные, и странные. Обычно я не утомляю тебя повседневными докладами моих жрецов и осведомителей. По большей части они не стоят твоего внимания. Но, пожалуй, эти донесения тебе стоит услышать...

– Да не тани уже, дядя! – воскликнул Аюр, невольно подумав: «Интересно, сколько важных сведений прошло мимо меня? Чего я не знаю о происходящем в Аратте?»

– У меня здесь два письма из Бьярмы... Первое, – Тулум развернул свиток, – из Белазоры.

– От Светоча?

– Нет. Это письмо прислал мой осведомитель – молодой жрец из ближнего окружения Светоча.

– А! – Аюр хмыкнул. – У тебя есть осведомитель в Северном храме?

– Конечно, государь, и не один.

– Гм... А у Светоча в нашем храме тоже есть свои соглядатаи?

– Несомненно. Однако, возможно, они ему больше никогда не пригодятся.

Аюр нахмурился:

– Что-то стряслось со Светочем?

Тулум медленно склонил бритую голову.

– В Белазоре, как ты знаешь, этой зимой было беспокойно, – сказал он, разворачивая свиток. – Беспорядки вылились в голодный бунт переселенцев. Аршалай утверждал, будто подавил бунт. Он писал нам, что все закончилось благополучно, но, очевидно, ошибся. Или солгал намеренно... В конце зимы дела пошли так, что я, право, не знаю, что и сказать, кроме «это какое-то безумие»... Этим письмам уже больше месяца – и в них мы видим совсем иную картину, нежели из донесений Аршалай...

– Читай же!

Тулум пробежал глазами свиток.

– С твоего позволения, пропущу ритуальные формулы и титулы... «Святейший... Да озарит Исварха...» Доклад большой, буду пересказывать главное. Наводнение в Бьярме... Ты ведь помнишь, что Змеево море не замерзает? Так вот, в конце зимы оно словно задалось целью пожрать половину Бьярмы. Лед вздувался и лопался, реки выходили из берегов... Воды устремились в озеро Ярга. Оно переполнилось, теперь разлив грозит и Ратхе. Пока еще великая река лишь немного полноводней обычного. Срединные области Аратты не страдают – но Бьярма пропитана водой, как морская губка... Все клянут Аршалай – его недостроенный Великий Ров оказался совершенно бесполезен...

Аюр покосился на Тулума:

– А ведь это мы велели остановить строительство!

– Аршалай все равно не успел бы до весны. Слушай дальше, государь. «Люди Бьярмы взволнованы и раздражены. Сотням и тысячам пришлось покинуть свои дома, затопленные паводками. Беженцы и переселенцы со всей Бьярмы скапливаются в Белазоре, рассчитывая на милость главы великого храма...»

Тулум поднял голову:

– Понимаешь, чем это плохо?

– Чем же?

– Всем! Скопище беженцев, угроза голода, болезней, недовольство властями... А еще мой человек пишет, что среди беженцев ходят самые дикие слухи. И конечно, нашлись те, кто нарочно смущает людей.

– Даже так? – удивился Аюр. – Но кто, зачем? Киран мертв...

– Мертв.

– Но тогда кто?

Тулум скривился:

– Надеюсь, не тот, о ком я думаю. И это был обычный выплеск негодования оголодавших, потерявших дома людей. Однако, по моим сведениям, проклятый гусяр отправился из вендских земель как раз на север...

– А, тот смутьян-гусяр, который так тебя беспокоил зимой? Его ведь так и не поймали?

– Он намного больше, чем просто гусяр... А теперь – прежде чем читать до конца – покажу тебе второе письмо. Вернее, записку. Найдена в дупле, устроенном нарочно для тайной жреческой переписки на бьярском тракте...

Тулум развернул полоску бересты и протянул Аюру.

– Ничего не понимаю, – фыркнул тот, изучая записку. – Какие-то каракули! И подписи нет...

– Подписи не нужно, – сказал верховный жрец. – Я отлично знаю руку Хасты.

Аюр аж подскочил на месте.

– Хаста?! Он же пропал!

– Так и есть.

– Ты говорил, что отправил его к Светочу с посланием... Так он нашелся?

– Нет. Нашлось лишь это письмо.

Тулум скользнул глазами по неровным строчкам:

– Судя по всему, Хаста очень торопился...

Аюр снова схватил полоску бересты и, не без усилия разбирая кривобокие буквы, прочитал:

«Арьев режут, чтобы остановить море. Северный храм исчез. Мы с Анилом уходим искать небесную лодку. Берегитесь Зарни Зьена!»

– И он еще нацарапал вот этот рисунок, – указал Тулум.

– Рисунок? – пробормотал государь в изумлении, глядя на пририсованный внизу письма проломленный череп, из которого рос цветок. – Что за ахинея? «Берегитесь Зарни Зьена?» Но Зарни Зьен – это я!

– Гм... Боюсь, уже не ты.

– Прикажи Хасте вернуться и объяснить эту чепуху!

– Это письмо пролежало в дупле ползимы. Хаста пропал, и с ним Анил...

– А что значит – «Северный храм исчез»?

Тулум устремил задумчивый взгляд в пространство.

– С твоего позволения, я вернусь к докладу моего осведомителя. Он многое объясняет.

Но не все.

Верховный жрец вновь развернул первый свиток.

– Итак, кто-то распустил отвратительный слух, что потоп колдовством устроили арьи. И теперь нарочно морят бьяров голодом. Люди поверили, начался бунт. Толпа разграбила богатые кварталы, попыталась прорваться в храм. Началась резня... Часть храмовой стражи перешла на сторону восставших... Мой осведомитель был среди приближенных Светоча, а потому успел скрыться за стенами храма... Мятежники устремились на приступ и сумели прорваться за первую стену... А вот концовку письма я тебе, пожалуй, прочитаю:

«...хвала Солнцу, что я не успел вбежать во внутренний храм! Когда, прячась от обезумевших бьяров, я укрылся под большой корзиной на хозяйственном дворе, то еще не понял, какую великую милость оказал мне Исварха! Ибо началось потом нечто, чего не вмещает рас-судок. Белая башня дрогнула, и поднялся вокруг превеликий гром. Мятежники, решив, что идет новая большая волна, кинулись вон... Башня же в единый миг окуталась золотым сиянием, нестерпимым для взора. Затем Северный храм распахнул два лебединых крыла, воспарил и скрылся в небесных высях...»

– В смысле, Северный храм... воспарил?

Аюр взглянул на Тулума, неуверенно усмехнулся...

Но верховный жрец не улыбнулся в ответ.

Часть 1

Пропавшая башня

Глава 1

Зарни очищает мир

Три лесных бьяра стояли на перекрестке, там, где каменная главная улица переходила в настиленную по густой грязи гать, и глазели на Белазору.

Рослый детина-охотник, с мрачным лицом, в меховом плаще и низко надвинутой на глаза шапке, с копьём и огромным луком за спиной. Мальчик-подросток, опирающийся на посох. И щуплая остроносая женщина средних лет, с рыжими косами и быстрыми светлыми глазами.

Рослый охотник оказался в Белазоре впервые и теперь озирался в глубочайшем изумлении. Рыжекосой приходилось бывать тут прежде. А мальчик и вовсе тут вырос. Но и он не мог узнать знакомый город.

Все тут переменялось с осени. Вода после большой волны так и не ушла – низина при гавани осталась затоплена, из мутной воды поднимались стены и крыши. Впрочем, здешний народ не унывал и насиженное место явно бросать не собирался. На высоких берегах, по склонам окрестных сопок уже торчали острые крыши изб. На каменных подклетах, оставшихся от богатых домов, ставились новые – бревенчатые, крытые еловой дранкой и проконопаченные сухими водорослями. Повсюду истоптанный снег, грязища...

И жители новой Белазоры мало напоминали прежних. Сколько ни высматривай – не увидишь в толпе бьяров ни единой золотой головы. А ведь раньше здесь, у моря, жили сплошь арьи – вон до сих пор торчат из соленой трясины башенки и галереи их нарядных особняков...

– Исварха Всесветлый, что же тут случилось? – пробормотал детина, осеняя себя священным знаком. – Сам Змей Бездны на берег вылезал? Святое Солнце! Клянусь, не видал ничего подобного...

– Не Святое Солнце, а ясный Сол! – негромко перебила рыжая женщина, тревожно оглянувшись. – Сол! Или хотя бы Хул!

– Да хоть сам Храваш!

– Даже не могу сказать, что хуже: впустую поминать божество или призывать князя дивов составить тебе компанию в твоём изумлении! Прошу, потише, любезный Анил. Кого бы ты ни призывал, Исварху или Сола, по твоему столичному выговору сразу слышать знатного ария. А ваших тут, похоже, совсем не жалуют...

– Что бы я делал без твоих придирок, почтенный Хаста? – огрызнулся молодой царедворец, поправив мохнатую шапку.

– Лежал бы мертвый в придорожной канаве, причем еще где-нибудь на подходах к Белазоре. А еще вернее – болтался бы на березе. Вернее, на двух...

– У нас так не казнят, – фыркнул подросток. – Это все ваши арийские штучки.

– А вон там кто висит, друг мой Метта?

Хаста указал на торчащую в конце улицы лебедку. На ней покачивались двое повешенных, заботливо обмазанных смолой для сохранности. Длинные золотистые волосы шевелил ветер. Над мертвецами с резкими криками вились чайки.

– Вот они, арьи! А я уж думал, их в Белазоре вовсе не осталось...

Метта с любопытством уставился на казненных. Хаста заметил: мальчишка даже не вздрогнул. В последнее время Метта видел слишком много мертвецов и привык к ним. «Как ожесточились нравы, – с удивившей его самого печалью подумал Хаста. – То ли еще будет...»

– Мяса уже почти нет, – заявил подросток с видом знатока. – Все начисто склевали. Недели две висят. Представляю, что тут творилось в первые дни после казни. То-то было птичьего крику и драк...

Рослый охотник стиснул челюсти.

– Похоже, слухи о резне в Белазоре были правдивы... Остались ли выжившие? – пробормотал он. – Тут же были целые кварталы наших!

– Боюсь, что нет, – скривился Хаста. – Думаю, нас ждут находки и похуже. В любом случае, Анил, надвинь шапку поглубже на лоб. Если в тебе опознают ария – мы ничего не сможем сделать...

Негромко беседуя, троица продолжала спускаться, держа путь полузатопленной улицей в сторону бывшей гавани. Быстрый взгляд Хасты скользил по преображенной Белазоре. Он наконец понял, что его так смущало. Где главная башня Северного храма? Лишь синева моря мелькает среди развалин... Может, башню закрывают дома? Или вздорные сплетни все же были правдивы?

Внезапно на скулах жреца проступили желваки.

У края дороги на каменном парапете рядом стояло около десятка черепов. Судя по уцелевшим золотистым прядям, они тоже принадлежали ранее казненным ариям. У каждого черепа было проломлено темя. Из каждой дыры тянулся к небу нежный белый первоцвет.

– Это что еще за садовые украшения? – пробормотал Хаста. – Мне это очень не нравится!

Анил расслышал дрожь в голосе жреца и съязвил:

– А ты бы предпочел увидеть арьев на кольях?

– Возможно, да, – буркнул Хаста. – С кольями обычно все ясно... А в этих цветочных горшках заложен какой-то смысл, и я не понимаю его. А меня очень настораживает то, чего я не могу понять... Метта, не знаешь, зачем из черепов растут цветы? Может, у бьяров это что-то означает?

– Понятия не имею... О, вот и мой бывший дом! – Метта указал на торчащую из воды стену с кольцами и стрелой на фасаде. – Ой... А где же...

Хаста и Анил уставились туда, куда вела бревенчатая гать. Спускаясь на набережную, она переходила в плавучие мостки, подводившие к Северному храму. Вернее, к тому, что от него осталось.

Храм, как и все прочее, изменился до неузнаваемости. Сам остров остался на месте, как и внешние стены. Над ними поднимались крыши гостиницы для паломников и хозяйственных построек. У распахнутых ворот толпились вооруженные люди – судя по всему, храмовая стража... Но где же сам храм? Где его средоточие – белая башня, чей острый купол рвался к облакам, розовея навстречу восходящему солнцу?

– Сплетни-то не ври, – пробормотал Хаста, чувствуя, как мурашки бегут по коже. – Храм исчез!

– Может, в море обрушился? – предположил Анил. – Во время осад и не такое бывает. А тут не крепость какая – храм господ Исвархи! Помню, святейший Тулум раз на храмовом празднике вызвал гром и молнию прямо из большого бронзового горшка...

– Хм... – задумался рыжий жрец. – Здесь тоже болтали о слепящей вспышке, страшном грохоте, землетрясении...

У Анила загорелись глаза:

– Надо пойти туда и осмотреть место!

– Надо бы... – Хаста огляделся. – Если нас туда пустят.

Путешественники один за другим пробрались по мосткам над ржаво-мертвой соленой трясинной бывшей гавани и вскоре вышли к воротам храма. Вход охраняли с полдюжины скучающих городских стражников. Заметив посетителей, стражники оживились и закричали, требуя подойти ближе.

- Дядя Туган! – вдруг завопил Метта и, хромая, устремился вперед, к одному из стражей.
- Метта! – воскликнул тот. – Вот так встреча! Как твой отец?
- Отец... уехал к родне лечиться. У него же были сломаны обе руки...
- Помню, помню! Ну иди сюда, обниму!

Среди стражников оказалось много сослуживцев Туоли. Метта радостно здоровался со старыми знакомыми.

– Хвала матери Тарэн, ты жив, – радовался десятник Туган. – С тех пор как вы с отцом пропали, уж зима прошла! Мы и не чаяли тебя увидеть снова... А это кто с тобой?

– Добрые люди из-под Яргары, – ответил Метта, вспомнив придуманную Хастой легенду. – Я у них проводником. Это тетушка Хаста, она обо мне заботится. А этот парень, он сын ее, охотник, – хотел наняться в храмовую стражу, да, видно, уже не надо...

Все взгляды устремились на Анила.

– Благо вам, доблестные воины! – Хаста поспешно выступил вперед. – Да благословит вас мать Тарэн! Мой старший сын – вот этот славный парень – наделен богами силой и удачью. Да вот беда – с детства глухонемой. Однако Северный храм славился как место, где лечат самые разные хвори. Мы надеялись, что его здесь исцелят и возьмут в стражу. Ну а если нет – так послужит жрецам трудником...

– Мерзким колдунам! – сплюнул Туган. – Сколько лет они наводили на нас свои гнусные чары! А мы-то еще и служили им...

– О чем будем вечно просить прощения у отца Сола и матери Тарэн! – благочестиво повернул другой стражник.

– Да как воспротивишься такому страшному мороку? – воздел руки Туган. – Хорошо, что явился спаситель наш, заступник, праведный певец Зарни – и развеял чары!

– И мы увидели истинное обличье луковых жрецов, – подхватил благочестивый, – и тех, кому они служат – чудовищным ящерам-арьям...

– Ящерам? – озадаченно повторил Хаста. – Мы-то – ох! – люди простые, живем в лесу, ничего такого не слышали. Думали, арьи – такие же люди, как мы... а тут вон оно как! Я сама когда-то была служанкой в знатном доме и не видела в господах ничего такого уж страшного...

– Ничего-то ты не знаешь, тетушка, – вздохнул Туган. – Арьи, оказывается, вообще не люди. Поверь, мы всё увидели своими глазами. Когда святой певец заиграл на гусях и развеял чары, арьи, стоявшие в толпе, явили свой истинный облик...

Тугана передернуло от отвращения. Прочие стражники взволнованно заговорили наперебой:

– Головы как у змей!

– Чешуя!

– Сзади хвосты!

– А на лапах – во-от такенные когти!

– Да вы что! – Хаста оглядел скелеты повешенных. – А с виду – обычные мертвяки...

– Это потому, тетушка, что ты не слышала песни, разрушающей чары, – снисходительно сказал благочестивый. – А мы, как увидели их, сперва напугались до смерти. Народ чуть друг друга не передавил, убегая! Зато после опомнился – да и поднял гадов на копья!

– А жрецов? – Хаста невольно бросил взгляд в сторону исчезнувшего храма.

– И жрецов... Они сперва пытались людей стыдить, потом карами грозили. А как начали их хватать и на воротах вешать рядом с змеелюдами, живо побежали к себе, под защиту стен.

– Прямо сказать, не много и добежало, хе-хе...

– Большая-то часть луковых вон там лежит.

Туган указал на трясину с торчащими из нее обломками стен.

– Но хоть кто-то добежал? – спросил Метта. – Там ведь и в самом храме народу наверняка немало было!

Туган взлохматил ему волосы:

– Конечно, кто-то унес ноги. Там жрецов-то – чуть ли не с целый городок! Заперли было ворота – но люди к тому времени так завелись, что вынесли створки с разбегу, не щадя собственных жизней.

– Ибо, когда за твоей спиной великий праведный певец, силы удесятятся, а страх пропадает! – ввернул благочестивый страж.

– И вы тоже ворота ломали? – спросил Хаста.

– Ну-у... Мы там были... гм... как бы сказать-то... с несправедной стороны.

– Мы тогда на стенах в храмовой страже стояли, – со вздохом уточнил третий воин.

– Словом, как снесли первые ворота, все, кто уцелел, отступили за вторую стену, – продолжал рассказ Туган. – Ее уже наскоком не взять. Народ вроде как устал, отрезвел, начал расхотиться... Но тут вынесли вперед святого, праведного певца Зарни...

– Зарни, – повторил Хаста, и его спину продрало морозом. – Тот самый... Зарни Зьен?

– Он, он, святой наш покровитель, защитник бьяров! – нестройным хором подтвердили стражники.

– Погодите, славные воины, я запуталась! Разве Зарни Зьен – не юный государь Аюр?!

– Мы ошибались, – не моргнув глазом заявил страж. – Проклятые арьи нас заморочили! Хотели подменить своим змеенышем истинного Небесного Всадника! Горе нам! Очень многие повелись на обман...

– Многие?! – всплеснул руками Хаста. Ему не приходилось играть изумление. – Да вся Бьярма на царевича молилась!

Вот так новости... Пробираясь к Белазоре через охваченные мятежом земли, Хаста постоянно слышал хвалы Зарни Зьену, Небесному Всаднику, посреднику между небом и землей. Слушал и радовался, что во взбаламученной Бьярме хоть любовь к государю не угасла... Он и понятия не имел, что бьяры имели в виду совершенного другого человека!

– Вишь, какое оно сильное, арийское колдовство, – развел руками Туган. – Так вот. Зарни, божественный певец, устроился напротив ворот храма. Мы, грешные, со стен стреляем – и то ли попасть не можем, то ли ничто его не берет... А потом он на гусях как заиграет! И в тот же миг мы все прозрели. Как сейчас помню: глянул на Светоча, а на меня ящер скалится! Я лук вскинул, чтобы стрелу ему в глаз всадить, а ящер лапу поднял, пальцами щелкнул – и исчез, колдун проклятый!

– Да, да, – загомонили прочие, вспоминая чудо. – Мы все прозрели!

– Ящеров со стен побросали...

– Ну а потом сами ворота людям открыли!

– За это Зарни праведный нас простил.

– И что, все, кто был в храме, погибли? – спросил Метта.

– Не все, – огорченно произнес Туган. – Часть змеелюдов заперлась в главной башне. Ну а потом такое началось, ох, храните нас Сол и Хул, вместе взятые!

И стражники наперебой принялись рассказывать то, что Хаста уже неоднократно слышал по дороге в Белазору: о золотой вспышке, трясущейся земле, облаке пыли выше облаков... С одной лишь разницей – эти люди все видели своими глазами.

«Так, значит, правда», – думал Хаста, старательно ахая и всплескивая руками.

– ...И башня исчезла, скрылась в небесах!

Анил ткнул Хасту в бок и что-то промычал, поведя глазами в сторону моря.

– Чего? А, ясно... Тут сынок любопытствует: куда она полетела-то?

Туган удивленно поглядел на остроносую женщину:

– Сказал же – в небеса!

– А в сторону-то какую?

– В сторону... – Туган призадумался. – А куда-то на закат, к Змеиному Языку.

Анил снова что-то промычал «матери» на ухо.

– Сынок думает, может, упала где-то поблизости? А там ведь сокровищ-то сколько! – объяснил Хаста любопытство немого, вызвав общий смех.

– Если где и упала, то в Змеевом море. Сокровища ему, ишь!

«Охотник» еще раз выразительно ткнул Хасту в бок:

– А можно то место посмотреть, где башня стояла?

– И мне! – выскочил Метта, сопровождаемый добродушными смешками.

– Там уж до вас все исхожено! Такими же искателями сокровищ!

– Ну пусть парни сходят, – махнул рукой Туган. – Жалко, что ли? Если порчи не боятся...

А ты, матушка, с нами побудь, негоже тебе...

Анил и Метта, не тратя времени, устремились во внутренние ворота в сторону бывшего храма. Хаста, с невольным вздохом зависти проводив их взглядом, уселся рядом со стражниками и принялся забрасывать их вопросами.

Парни вскоре вернулись.

– Нет там ничегошеньки, – разочарованно сказал Метта. – Ни развалин, ни сокровищ. Только трещина на том месте, где прежде храм стоял. И чайки повсюду, все загадили...

– Ладно, вечереет! – Хаста вскочил на ноги. – Пора нам идти.

– Может, отужинаете? – предложил десятник. – А ты, Метта, оставайся-ка с нами! Будешь при страже, мы тебя не бросим...

– Да нет, я уж лучше с ними, – попятился подросток. – С тетей... Хастой! Она мне как родная!

– Ну, как пожелаешь.

Путешественники, попрощавшись со стражниками, уже двинулись по мосткам в сторону города, когда их догнал Туган:

– Задержись-ка, тетушка, на пару слов...

Хаста остановился, держась за веревочный поручень. Десятник вполголоса сказал:

– Ты, видно, добрая женщина, раз Метта к тебе прикипел... Вот что – сына своего отсюда заведи поскорее. Не нужно ему здесь околачиваться. Уж не знаю, в каком знатном доме ты служила в девках, но рожа у твоего сынка самая что ни есть арийская...

Хаста так резко отшатнулся, что чуть не свалился с мостков в трясину. Туган подхватил его за руку, вернул на место и тихо продолжил:

– Уходите скорее. Ступайте отсюда прямо на юг, по Яргарской дороге. Первые две деревни пройдете стороной, затем повернете налево по проселку в лес. Там деревушка малая, друг мой старый там живет... Тихо, глаз немного... Посидите там, пока тут все не успокоится. Да ты чего так напряглась-то, тетка? Что мы тут, в Белазоре, полукровок не видали? Говорят, сам воевода Каргай наполовину арий, хоть по нему и не скажешь... Сама пойми: время нынче такое, что даже просто рыжим быть опасно. Кому дом соседа приглянется, тот и крикнет: тут змеиные отродья, бей-убивай! А толпа не разбирает...

Хаста, овладев собой, низко склонился, прижимая руку к груди:

– Вот слова сострадательного человека! Век тебе буду благодарна!

– Ступай с миром, тетушка! А ты, Метта, слышь, береги ее!

Хаста поспешно направился к берегу. Но вдруг остановился и окликнул Тугана:

– А скажи, добрый страж, – тот святой, праведный певец, что развеял чары, он сейчас где? Я бы сходила, поклонилась чудотворцу. Может, он от немоты сыночка излечит...

Туган молитвенно поднял глаза:

– Кто ж знает? Праведника боги носят по воздуху на руках. Он – везде. Недаром его имя – Зарни Зьен!

Глава 2

Охота на змеелюда

Отыскать уводящий с тракта проселок в сумерках оказалось непростой задачей. Даже местный житель Метта с трудом заметил петляющий среди сугробов санный путь.

– Хорошо еще, что снегопада не было, – заметил он, – не то бы точно промахнулись.

– И что тогда? Так и шли бы до следующего кружала? Где оно, уж не в Яргаре ли? – мрачно спросил Анил.

Юный арий был недоволен. Он бы предпочел остаться на ночевку в Белазоре, где, несмотря на потоп, уцелело несколько неплохих гостиниц. Но Хасту невесть почему трясло от волнения. Он и не помнил, когда прежде так волновался. Плохие предчувствия начали гнестить его сразу после беседы со стражником Туганом – и жрец решил им довериться.

Покинув Белазору, путешественники надели лыжи и почти бегом устремились по южной дороге. День сменился вечером. Они миновали одну деревню, потом другую, а Хаста все подгонял товарищей. Ворчание проголодавшегося Анила он вовсе пропускал мимо ушей. Хуже того – завел разговор с Меттой, умеет ли тот строить шалаш из лапника. Дескать, северяне могут и под елкой на ночлег устроиться, не опасаясь утром не проснуться...

– Да ты не задумал ли в лесу заночевать? – возмутился арий.

– Я бы заночевал, – ответил Хаста.

– Не надо, – неожиданно сказал Метта. – Видите, какая в небе луна яркая, белесая? Это к сильному морозу!

– Ох уж эта бьярская весна! – простонал Анил.

Холодно им пока не было, грела быстрая ходьба, но стоило остановиться, как мороз начал покусывать за носы и щеки. Когда путешественники свернули на проселок, солнце окончательно село и лес окутал сумрак. Снег громко скрипел под лыжами, деревья стояли в инее, впереди – ни огонька. Анил перестал ворчать и шел молча. Теперь и ему становилось тревожно. А если они свернули не туда? Заснеженный лес представлялся южанину вратами в царство смерти...

– Дымом пахнет! – принявшись, объявил Метта.

Мальчик, с его недавно зажившей сломанной ногой, устал сильнее прочих, но не жаловался. Он слышал, что сказал Хасте стражник, и понимал, почему жрец старается уйти как можно дальше от Белазоры. Путешествовать в компании ария сейчас было все равно что нарисовать на себе мишень.

Вдалеке залаяли собаки. А вскоре и деревня показалась. Она в самом деле была невелика – несколько дворов, с полдюжину изб и разбросанные вокруг котты, похожие на высокие островерхие сугробы. Над сугробами и крышами поднимались дымки.

– Нам, верно, туда! – приободрившийся Хаста указал на самую большую избу.

Деревушка показалась ему совсем захудалой – как раз то, что надо. «Тут бояться нечего, – подумал жрец. – В темноте, в зимнем лесу, нас никто выслеживать не станет. Вокруг глухомань – вон, сова ухает...»

Но что-то изнутри все равно точило: уходи, прячься! А если не только Туган оказался таким глазастым? А если еще кто-то заметил, что Анил – арий?

Нужная изба вскоре нашлась – жарко протопленная пятистенка. Хозяин, пожилой могучий бьяр, верно из бывших стражников, вышел им навстречу. Когда Хаста объяснил, кто их послал, нахмуренные брови бьяра сразу разошлись в стороны.

– Что ж, заходите, добрые люди, – открыл он низкую дверь. – Мы тут друзьям моего побратима завсегда рады!

В избе было тепло и сумрачно. Из божницы в красном углу на вошедших глядел сам Сол – вернее, блестящая пластина с его изображением. Перед ликом был устроен алтарь с дарами: монетки, обереги, кусочки сушеного мяса...

– Ого! – хмыкнул Анил, стаскивая с головы шапку. – Золотой истукан? В такой глухомани?

Хозяин бросил косой взгляд на юного ария.

– Да какой там золотой – бронза начищена, вот и блестит, – поспешно произнес Хаста.

Дружба дружбой – но не погонит ли старый бьяр ненавистного ария на мороз? Однако тот промолчал и принялся возиться у печи, развешивая на просушку одежду гостей. Видно, до этой деревни учение Зарни о змеелюдах еще не добралось.

Вскоре хозяин выставил на стол горшок с кашей и приступил к непрерывной беседе. Хаста отвечал как мог – обстоятельно, борясь с усталостью, Анил же откровенно зевал. Заметив это, хозяин прекратил расспросы и ушел спать на другую половину избы, задернув за собой повешенную вместо двери лосиную шкуру. Для гостей были застелены укрытые шкурами лавки.

– А если бы мы остались в Белазоре, – заметил Анил, уныло глядя на лавку, – мне бы уже баню истопили!

– Зато здесь ты заночуешь в тепле, а не под наметом из веток и снега, – хмыкнул Хаста. – Как ты верно заметил, ближайшее кружало, возможно, в Яргаре...

После ужина Анил и Метта сразу ушли спать, а Хаста устроился около очага.

«Хоть Анил и ворчит, а я так скажу: спасибо тебе, добрый Туган, что указал это место! – думал жрец. – Сюда, не зная, и дороги не найдешь...»

Жрец стащил с головы платок и принялся расплетать бабьи косы. С непривычки они его очень раздражали. Но замужние и вдовы бьярки носили по две косы, а «тетушка Хаста» была почтенной вдовой. Не следовало об этом забывать. Хорошо хоть бьярки имели обыкновение ходить в штанах, а не подолами мести по земле.

«А у накхини – одна коса, – подумалось Хасте, – и право на нее непросто заслужить...»

Жрец вспомнил Маргу и невольно вздохнул.

«Там все давно кончено, – напомнил он себе. – Забудь ее... Святое Солнце, это что – седина? Дожили! Эх... Уже и волосы седеют – а меня господь Исварха все не сподобит своего угла завести...»

Переплетя заново косы и убрав их под шапочку, Хаста задумчиво уставился на рдеющие угли. С лавки послышался голос Анилы:

– О чем думаешь, жрец?

– А ты чего не спишь? Вроде собирался...

– Не знаю. Не спится. Тревожно мне...

«И мне, – подумал Хаста. – Хотя сейчас-то с чего бы?»

– Я думал сейчас о черепах арьев – черепах, из которых растут цветы, – ответил он вслух. – И наконец понял смысл этого.

– Ну?

– Очень просто. Смерть и возрождение. Одно умирает, другое появляется на свет. Из костей арьев возродится мир. Чтобы это произошло, арьи должны умереть. *Все* арьи. Понимаешь?

– Не понимаю, – буркнул Анил.

– Это нечто совсем новое. Такого прежде не бывало. Новая вера. То, что несет людям новый Зарни Зьен.

– Бред какой-то! – зевнул Анил. – Как арьи могут быть виновными во всех бедах? Почему именно мы?

– Потому что арьи – не люди, а ящеры, пробравшиеся в этот мир, чтобы погубить его. Слышал, что стражники говорили?

– Но это же чушь! Как люди могут в такое верить?

– Люди верят, потому что очень боятся. И чем сильнее будут разливы и потопа, тем сильнее будут верить... Ибо страх уничтожает разум. И арьев будут убивать – с радостью, ликованием и надеждой на новую жизнь...

Анил надолго умолк, призадумавшись.

– Но это совсем никуда не годится! – заявил он. – Такое учение преступно! Получается, они будут убивать всех арьев, включая женщин и детей? А что же владыка Бьярмы – мой отец, Аршалай? Почему он ничего не предпринимает?

Хаста покачал головой. Он не знал, что ответить. Точнее, знал, но не хотел огорчать Анила. Победный доклад Аршалаея о подавленном мятеже, по сути, и привел к таким плачевным последствиям. А теперь Лазурный дворец и не взглянет на север, пока тут все окончательно не полыхнет!

Пока дойдет до столицы... Пришлют войска...

«Вероятно, Аршалай не представлял себе, с чем столкнулся, – раздумывал Хаста. – Кто бы ожидал подобного от Бьярмы, мирного лесного края, где так любят Зарни Зьена?..»

Хаста вспомнил, как они прибыли в Бьярму в середине зимы. Анил с пышной свитой, с поручением от государя к отцу-наместнику – и при нем скромный жрец с полной сумкой тайных грамот для Светоча...

Сперва они явились к воеводе Каргаю, а затем отправились дальше в Майхор. Однако Аршалаея они там не нашли. То ли он продолжал строить Великий Ров, то ли обретался вовсе неведомо где... В столице севера уже было беспокойно, – видимо, проклятый гусяр к тому времени добрался до Бьярмы, и его учение понемногу начинало отравлять умы. Среди арьев Майхора ходили пугающие слухи о бунте в Белазоре, о каком-то странном «празднике очищения» в Яргаре. Потом пошли байки о чуде с улетевшим в небеса Северным храмом. Аршалай все не возвращался. Тогда Хаста решил, что пора исполнить поручение и посетить Светоча. Анил, больше от скуки, увязался за ним. Ему хотелось своими глазами увидеть, лгут слухи или нет...

Что ж, они увидели.

«Где же Аршалай? – уже не в первый раз задумался Хаста. – Укрылся в своей Гуляй-крепости, пренебрегая обязанностями наместника? Или его череп уже стоит где-нибудь на пне, с цветком, растущим из пробитого темени...»

– Твой отец – тертый калач, его врасплох не застанешь, – сказал он Анилу. – С чего ты взял, будто он ничего не предпринимает? Не тратить силы зря, выжидать – это вполне в его духе.

– Надо его найти и все ему рассказать!

– Может, и надо...

Хаста вновь задумался.

– Спорим, я знаю твои мысли? – спросил Анил, садясь на лавке. – Ты вовсе не хочешь искать наместника. Ты думаешь, как отыскать этого, как его, Зарни Зьена! Тебе до смерти охота на него посмотреть!

Хаста хмыкнул.

– Даже и не знаю, хочу ли я встретиться с гусяром, – признался он. – Или, скорее, бежать от него, как от огня...

– Разумеется, надо его отыскать! – подскочил Анил. – Разве не ясно, что именно в нем корень всех бед?! Какой-то слепой колдун, насылающий видения, мутит народ хуже сотни самозванцев, выдававших себя за Аюра! Давай отыщем его! Один меткий выстрел из лука, и...

– ...ты услышишь его пение – и примешься служить ему не за страх, а за совесть, дорогой Анил. Веря ему всей душой, как некогда верил предателю Кирану.

Анил насупился и умолк.

– Не обижайся. Если этот колдун так овладел искусством подчинять себе волю других людей, то не приведи Исварха тебе – а тем паче мне – попасть ему в руки. Подумай, в какое оружие против Аратты он нас обратит!

– Ну и что ты предлагаешь?

– Не знаю, – с досадой ответил Хаста. – Мне не поручали искать и уж тем более ловить Зарни Зьена. Меня всего лишь отправили с письмами к Светочу... А об этом гусяре я, кстати, слышал и раньше – от святейшего Тулума. Еще зимой, отправляя нас в Бьярму, он обмолвился, что в дригском крае появился слепой певец, который очень сильно его беспокоит. Помнится, я еще вызвался разузнать о нем, но Тулум сказал – у тебя будет другое задание, а гусяром займутся накхи... Не знаю, чем дело кончилось, но если слепец здесь, похоже, накхи не слишком преуспели... Ну а если даже Светоч не сумел с ним сладить – куда уж мне?

Рыжий жрец помолчал и пробормотал:

– Хотя, конечно, было бы очень любопытно поглядеть, как он это делает...

– Один выстрел – и бунт закончен, – проворчал Анил. – Поспорим?

– Я тебе запрещаю именем государя на полет стрелы приближаться к этому Зарни!

Анил обиделся и отсел подальше от Хасты. Тот, погруженный в раздумья, даже не заметил этого.

Метта, молча слушавший спор взрослых, вдруг сказал:

– Бабушка Линта знает.

– Что знает? – повернул голову Хаста.

– Много знает про Зарни. Помню, она всё песни пела: «Потанцуй со мной, Зарни Зьен...»

– Вот как?

Зимой Хаста не слишком приглядывался к хозяйке лесной избы, где прятался и лечился Аюр. Было много других забот. Задумался только теперь. Что связывало главу Северного храма и старушку из леса? Почему Светоч настолько доверял ей, что спрятал у нее Аюра?

Эти вопросы Хаста задал вслух, не ожидая ответа. Тем сильнее его поразило услышанное.

– Бабушка Линта – младшая сестра владыки Светоча, – объяснил Метта. – Они в старые времена вместе в Бьярму из столицы приехали...

– А ты откуда знаешь?!

– Я ж не слепой. Мы с ней и с Аюром целую осень прожили. Когда Аюр и Светоч к вурсам за Замаровым кладом отправились, мы с отцом с ней остались. Линта на рассвете и закате молилась господу Исвархе... Как я понял, наш государь Аюр им обоим чуть ли не внучек...

Хаста покачал головой. Вот это новости! Тут намешано куда больше, чем он даже подозревал!

Конечно, таинственные поиски Аюра от него не ускользнули. Но Хаста не был особенно склонен к мистике. Ученый жрец верил лишь тому, что видел своими глазами. Все эти вещие сны, видения, путешествие к гробнице колдуна за... А кстати, что они искали?

Метта, оказывается, и это подслушал. Хаста подумал, что из мальчишки вышел бы отличный соглядатай. А вот в своем доме держать бы его поостерегся.

– Значит, они искали Лук Исвархи! Но Аюр ведь вернулся без него...

– Там не было лука, – объяснил Метта. – В Замаровой гробнице Аюр со Светочем нашли гусли – поющий кораблик.

– Все это очень странно...

Легенды о Луке Исвархи Хаста, конечно, слышал. И кольцо лучника на пальце Аюра видел – только не знал, что оно от легендарного лука, способного убить Мирового Змея... Так вот, значит, чем тут был занят Светоч!

О накшатрах – лунных стойбищах – Хаста тоже знал, хоть ему и не полагалось.

«Все эти арийские чары меня не касаются, – думал он недовольно. – Их магия – для своих, она завязана на крови золотоглазых. Тайные храмы, убивающие незваных гостей; волшебное оружие из древних сказок... Значит, Аюр со Светочем искали такой храм!»

И Линта что-то знает...

– Есть у меня мысль, – сказал Хаста, поднимая голову. – Мы не будем искать Зарни – это слишком опасно. Пойдем лучше в Замарову падь, к старухе Линте.

– Я знаю туда дорогу, – ввернул Метта.

– Вот-вот. Расспросим ее...

– А я бы на твоём месте занялся своими прямыми обязанностями, – возразил Анил.

– Это чем же? – удивился Хаста. – Помолиться за вас Исвархе?

– Попытался бы выяснить, куда улетела башня! Это же ваше жреческое колдовство!

– Ха-ха! Ты сильно преувеличиваешь...

Анил вдруг поднял руку, призывая к тишине:

– Слышите? Лошадь заржала!

Он вскочил, скользнул к узкому, прорубленному в бревне окошку, приоткрыл ставень...

– На улице люди и кони, – еле слышно прошептал он. – Много людей!

* * *

– Там они, внутри! – раздался голос, в котором нетрудно было опознать хозяина избы.

Ему отозвалось множество возбужденных голосов:

– Братцы, окружай дом! Змеелюды на стрелы не полезут, задами побегут, там их и схватим!

– Ближко не подпускать, бросайте сети!

– Да тут, похоже, вся деревня собралась, – хмыкнул Метта, надевая тетиву на охотничий лук. – И не только...

– А ну заткнулись все! – раздался начальственный голос. – Не лезьте под ноги, мужичье! Отошли за тын!

– О, храмовая стража подтянулась...

– Помните о награде! – снова раздался крик хозяина избы.

– Вот так бьярское гостеприимство, – с досадой произнес Хаста. – Хорошо хоть не отравил...

Мучившая тревога его внезапно исчезла. Ожидание беды закончилось – теперь надо было быстро решать, как из этой беды выпутаться.

Анил чуть приоткрыл дверь и замер, вглядываясь в мелькание теней и огненных пятен во дворе.

– Змеелюд, я тебя вижу, – раздался еще один очень знакомый суровый голос. – Хватит прятаться, как ящерица под камнем! Сдавайся!

– Эх, дядя Туган... – упавшим голосом проговорил Метта.

Анил выглянул наружу, выпустил стрелу и тут же отпрянул назад. Раздался вскрик, и через миг в дверь впились несколько ответных стрел.

– Один готов, – сказал арий. – Остальные отступили и укрылись за воротами. Этих я не подпущу, пока есть стрелы. Метта, здесь где-то есть черный ход – через него хозяин сбежал...

– Я его уже нашел и заложил изнутри, – отозвался Хаста, возвращаясь с хозяйской половины. – Но если начнут ломать – дверь хлипкая, долго не выдержит... Надо думать, что делать. Сколько там стражников?

– Я заметил только пятерых. Видно, остальных не взяли, чтобы не делиться...

– Да еще бьяров десятка два...

- Эй, змеелюд, выходи! – снова послышался зычный голос Тугана.
- С чего бы? – удивился Анил.
- Деваться тебе все равно некуда – затравят, как зайца! Вас, оборотней, в Бьярме осталось раз-два и обчелся. Выходи, все равно тебе погибать!
- Ты, Туган, видно, совсем богов не боишься? – крикнул Хаста. – Предать человека, который тебе доверился...
- А кто тут человек? Ящер-оборотень, что ли? Зря ты, тетка, с ним связалась! Да еще мальчишку втравили! Намекал же – оставьте его в городе...
- За голову ящера нынче дают серебра по весу... – доносились разговоры со стороны задней двери. – Даже если стражники нам только десятину отдадут – разбогатеет...
- Уже делят нас, – усмехнулся Анил.
- Наложил новую стрелу на тетиву и крикнул:
- Ну давайте, дикари, выковыривайте нас отсюда!
- Снаружи возникла заминка – никто не хотел идти первым. Стражники вполголоса советовались за воротами.
- Не выйдете добром, – послышался наконец грозный голос одного из них, – подожжем избу!
- Эй, мы так не договаривались! – взвыл хозяин откуда-то со стороны черного выхода.
- Молчи, тебя не спросили!
- Не подожгут, – сказал Метта. – Им нужна голова ария целенькая. Волосы, кожа обгорят – ловцы серебра не получат.
- Похоже, змеелюд им нужен живым, – добавил Хаста.
- Если им нужен только я, – начал Анил, – то могу потянуть время, а вы уходите.
- Нет, – сказал Метта. – Я тебя не брошу.
- Да всех прибьют, – отмахнулся Хаста. – Сперва еще и помучают. Вдруг вас, змеелюдов, где-то тут целое гнездо? Если за каждого кошель серебра дают... Так! Я придумал!
- Анил выпустил в дверную щель еще стрелу, отступил за косяк и обернулся к жрецу.
- Метта, держись позади, – принялся распоряжаться Хаста, опускаясь на колени у очага. – Анил, прикрывай меня стрелами. Когда начнется, будь готов стрелять в стражников, бьяры сами разбегутся...
- Почему? Что начнется?
- Хаста, не отвечая, сгребал в корзину с растопкой еще пылающие угли. Корзина тут же затлела, и жрец, не тратя времени, высыпал содержимое у двери. Скрученные полоски березовой коры, попав на угли, мгновенно полыхнули, пламя взвилось чуть не до потолка, повалил дым. Анил шарахнулся в сторону, прикрывая лицо локтем:
- Что ты творишь?!
- Хаста распахнул дверь и гневно закричал сквозь рвущийся наружу дым:
- Зачем вы избу подожгли, злодеи? Как мы теперь выйдем?!
- Мы так не договаривались! – раздался отчаянный вопль хозяина.
- Да, зачем жечь-то? – поддержали соседи.
- Снаружи началась перебранка.
- Ищи потом костей на пожарище! Кто тут арий, кто нет, Хул его разбери!
- Сам сказал – змеелюда брать живьем!
- Это не мы! – заорал Туган. – Они сами дом подожгли!
- В ответ раздалась площадная брань.
- Ящеры сами себя сжечь решили? – съязвил кто-то.
- Они сейчас побегут! – надрывался десятник. – Парни, к воротам! Двое, к черному ходу! Дым валил все сильнее. Внутри становилось тяжело дышать.
- Крыша горит!

Анил указал наверх. Вспыхнули сушившиеся под стрехами пучки трав. Кажется, теперь пожар разгорался по-настоящему.

– Чтоб тебя, – кашляя, пробормотал Хаста. – Анил, Метта, за мной на выход! Когда призову богов – зажмурьтесь покрепче!

Он огляделся, схватил с жертвенника бронзового Сола, а другую руку сунул в поясную сумку с лекарствами. Поднял пластинку повыше и в клубах дыма вышел во двор.

– Остановитесь, нечестивцы! – закричал он. – Страшитесь гнева Исвархи!

Стражники и выглядывающие из-за углов бьяры в изумлении устали на рыжеволосую женщину с золотистым солнечным ликом в руке.

– Уберите тетку! – крикнул Туган. – Парни, стреляйте в ария, он прячется за ней! Только не в голов...

Увидев направленные на него стрелы и ринувшихся с двух сторон бьяров, Хаста понял, что ждать уже нечего. Выхватил из сумы маленькую запечатанную тыкву-горлянку, выдернул мощный шнур и швырнул ее под ноги набегающим стражникам.

Грохнуло так, что окрестный лес отозвался многократным эхом. В воздухе заматались разбуженные птицы. Двор окутался вихрем слепящих, обжигающих розовых звезд. От вспышки на миг лишились зрения все, кто смотрел в сторону взрыва. Бьяры со стонами повалились в снег, зажимая ладонями глаза и уши. Однако хуже всего пришлось стражникам: они корчились на земле, их лица покрывались язвами в тех местах, куда попали жгучие искры. Кто-то пытался подняться, нашаривая выпавшее копьё или меч на поясе... Анил добивал их из лука – одного за другим.

Не прошло и нескольких мгновений, как двор опустел. Стражники замертво лежали в снегу, бьяры сбежали. Хаста стоял и моргал, ожидая, когда погаснут плавающие перед глазами огненные пятна.

– Ты бы хоть предупредил, – раздался у него за спиной голос Анила.

– Всякий раз думаю, надо взять в дорогу что-то новое, – довольно сказал Хаста. – Но зачем, если и Гнев Исвархи прекрасно срабатывает!

– Ох уж эти ваши храмовые штучки...

Анил подошел к лежащему ничком Тугану и перевернул его. Тот пострадал от взрыва сильнее прочих стражей, однако был еще жив.

– погоди, не надо, – остановил приятеля Хаста, видя, что тот вытаскивает нож.

Он склонился над оглушенным, обожженным десятником:

– Вам было велено взять ария живым. Кем велено? Скажи правду, и я помогу тебе.

– Провалитесь, колдуны проклятые, оборотни... – хрипел Туган, силясь приподняться.

– Ах, я оборотень? – оскалился Анил. – А ведь это ты пытался меня убить, не я тебя! Говори! Кто тебя послал?

– Кто-кто? Конечно, Зарни, – отозвался Хаста. – Где сейчас гусяр? Где его логово? Ну? Ты ведь знаешь?

Туган не отвечал. Он смотрел на Анила в таком ужасе, будто над ним и впрямь нависла распахнутая пасть ящера. Несколько раз судорожно глотнув воздух, десятник вдруг уронил голову и затих с остановившимся взглядом.

– Притворяется, что сомлел, – фыркнул Анил. – Видали мы таких...

– Нет, – хмуро ответил Хаста, приложив стражнику два пальца к шее. – Он умер.

– Умер?! Но... Я ему ничего не сделал!

– Он сам себя убил. Точнее, его убил Зарни. Приказал стражнику умереть, если попадет в плен, – и тот умер.

– А так бывает? – усомнился Анил, недоверчиво глядя на мертвого десятника.

– Угу. Я знал одного человека, который так мог... И даже не одного...

Множество образов в один миг промелькнуло в памяти Хасты. То, что ему рассказывали, и то, что он видел сам... Светоч, умевший убивать и взглядом, и словом...

«Эге, – подумал он, чувствуя воодушевление. – Да этот Зарни, похоже, из наших! Если он сам – не бывший жрец высокого посвящения, значит точно имел доступ к тайнам храма Исвархи!»

– Уходим, – встал он, – пока бьяры не пришли в себя и не вернулись.

– Какое! – отозвался Метта. – Убежали, сверкая пятками! Сидят, небось, по избам, трясутся...

– Ну и Хул с ними. Лошади не разбежались?

К счастью, стражники догадались привязать лошадей, и вскоре трое всадников исчезли в ночном лесу.

Глава 3

«Говори правду»

Ранней весной лес в Бьярме не так уж отличается от зимнего, а все же разница есть. Сугробы темнеют и сглаживаются, вокруг деревьев протаивают лунки. Снег оседает, становится рассыпчатый, льдистый. Торчащие из него ветви кажутся какими-то особенно черными и голыми. Еще немного – и настает время оттепелей, а затем и половодья. Снег, укрывший лес, начинает темнеть, становится пористым и рыхлым. То, что вчера казалось ровной белой полянкой, на самом деле долина ручья, а если совсем не повезет, то и болото. Наступишь в сугроб – и провалишься в воду по пояс...

– Говорил же, надо было взять сани и упряжного лося, – ворчал Метта, с трудом переставляя ноги.

Ему никто не ответил – Хаста и Анил тоже устали до смерти. Длинные, подбитые камусом лыжи казались втрое тяжелее, чем на самом деле, из-за налипшего на них снега. Обменяв коней на припасы в ближайшем кружале, трое путешественников снова надели лыжи и углубились в лес. Сейчас они шли по обочине санной дороги, ведущей к Замаровой пади. Хаста предпочел бы по целине, подальше от случайных глаз, – он все еще опасался погони. Но снег набух от воды, став почти непроходимым. По ночам все еще морозило, но когда солнце выходило из-за облаков, то било в лицо и грело всю. На дороге в полозновицах стояли лужи.

– А народ-то к Линте все ездит, – отметил Хаста, рассматривая следы. – Стало быть, жива и здорова и лечит, как раньше.

– Угу, – подтвердил Анил. – Совсем недавно проехали на лосях. А вот это что-то странное – будто лодку тащили...

– Это, верно, кережа бьярская, – предположил Хаста. – Их на севере больше любят, а в здешних краях я их не встречал...

– Кто-то едет навстречу! – перебил Метта.

Все трое замерли.

– Это не лошади, – произнес подросток, прислушиваясь. – Лоси.

– Двое верховых, – добавил Анил.

– Угу, едут от Линты... – пробормотал Хаста. – Так, Анил, спрячься вон в том овражке и не высывайся!

– Зачем? Это ж просто бьяры.

– Хочешь, чтобы местные тоже устроили облавную охоту на змеелюда?

– А ты что будешь делать? – буркнул Анил, сворачивая к указанному овражку.

– А я – тетушка Хаста, мне не терпится поболтать с путниками.

Очень скоро на дороге показались двое всадников на лосях, с виду – обычные бьяры, с охотничьими луками за спиной. Ехали они не спеша, беседуя между собой. На Метту едва взглянули, но при виде рыжекосой женщины оживились.

– Ага! Баба! Вот ты-то нам и нужна!

– Я вам нужна, добрые люди? – опешила «тетушка Хаста». – Чем же это я вам, старая и убогая, пригожусь?

– Стряпать умеешь?

– Так-то да...

– Поехали с нами! У нас беда со стряпухой, готовить некому. А хозяин наш любит разносолы. Послал нас в ближайшую деревню, но Хул знает, где эта деревня... Ты же все равно к старой Линте шла?

– Ну да... У меня сыночек хромает...

– Перебьется. Бабка сейчас никого не лечит – умом тронулась, – объяснил один из всадников, – а готовить, стирать, прибирать избу некому! Полезай, тетка, на лося мне за спину! Парня, так и быть, сажай к товарищу...

– А вы, добрые люди, кто бабке Линте будете? – с подозрением спросил Хаста, не спеша отстегивать лыжи. – Родичи? Сынки?

Бьяры разразились хохотом.

– Гляди, боится! Небось за разбойников приняла!

– Мы живем у ведуньи Линты, – объяснил второй. – Ждем, пока она в себя придет... Залезай на лося, тетка, тебя не обидят. Может, еще и наградят. А если хорошо стряпаешь, наш хозяин тебя может на постоянную службу взять.

– Ему служить – великая честь! – подхватил первый.

«Хозяин» они произнесли с таким придыханием, будто это был сам Аршалай.

«А может, и Аршалай! – подумал вдруг Хаста. – Эти парни – явно слуги какого-то вельможи, который приехал лечиться к Линте. Если вельможа, значит арий. Верно, прячется тут от ловчих... Уж не Светоч ли?»

У Хасты разгорелось любопытство.

«Что случилось с Линтой? Сошла с ума, значит...»

Жрец отлично помнил, как ловко бабка прикидывается выжившей из ума, когда не особо рада гостям. Стало быть, не Светоч...

– Поехали, – решил он. – Стряпухой так стряпухой, дело привычное...

Уезжая, Хаста успел обернуться и показать кулак Анилу, отчаянно махавшему ему из оврага.

Едва увидев подворье, Хаста заподозрил неладное. Раньше ворота всегда стояли нараспашку и запирали их лишь на ночь, а теперь они были закрыты. Над торчащими в небо корнями выворотней, из которых была сложена ограда Замаровой пади, поблескивали наконецники копий и кожаные, обшитые железными полосками шлемы бьяров.

Въехав внутрь, Хаста окончательно убедился, что никаких арьев тут нет. Ни коней – арьи на лосях никогда не ездили, – ни возка. Ничего говорящего о том, что здесь скрывается знатный вельможа.

Зато Хаста сообразил, какой такой след они увидели на дороге. У крыльца вверх днищем лежала берестяная лодка, накрытая медвежьей шкурой.

«Зачем она нужна? Тут ни реки, ни озера...»

Жрец заметил еще несколько бьяров, занятых по хозяйству. Но где же хозяин?

Хасту провели в избу, и там он наконец все понял.

– Господин, мы тут бабу на дороге встретили – к нам стряпухой согласна!

– Пусть подойдет, – ответил сидящий на помосте гусляр, глядя перед собой слепыми глазами. – Поговорим...

* * *

«Так вот ты какой, Зарни Зьен!»

Белые глаза на загорелом лице, знак солнца на лбу; длинные седеющие волосы, разбросанные по плечам; укрытые шкурой обрубки ног...

Хаста смотрел только на руки, скользившие по струнам. Руки были красивы и двигались с завораживающей легкостью и точностью. Однако, глядя на них, жрец не мог сдержать дрожи.

«Да что со мной? Успокойся!... А он... погодите-ка... Святое Солнце, он сурья!»

Зарни молчал. Хаста вдруг понял, что тот слушает его дыхание, и едва не закашлялся.

Гусляр чуть заметно улыбнулся:

– Слуги сказали мне, что встретили в лесу женщину с мальчиком, шедших к знахарке Линте...

Голос у Зарни был глубокий, хрипловатый. Хаста очень ярко представил, как он способен зачаровывать тех, кто его слушает.

– Так и было, славный Зарни Зьен, – почтительно подтвердил он. – Я шла к знаменитой знахарке Линте... Только я ее что-то не вижу. Твои люди сказали, ведунья прихворнула...

– Выжила из ума, – уточнил Зарни. – Что ж... Вы действительно шли к Линте. И понятия не имели, что здесь я. В твоём голосе и дыхании звучит изумление, которое очень трудно подделать... Одного не пойму: почему ты говоришь «шла», если ты, несомненно, шел? Или это и есть та самая беда, с которой ты направлялся к лекарке?

Издевка в голосе слепца была совершенно нескрываемой.

У Хасты ослабели коленки.

«Слепой видит меня насквозь. Тонкий слух... Он в самом деле способен по голосу отличать правду от лжи?»

– Почему ты трясешься, как осенний лист? – внезапно спросил Зарни. – Может, потому, что ты лазутчик? И хорошо знаешь, как поступают с лазутчиками? Итак... Судя по выговору, ты вырос в столице...

«Ему нельзя врать, он сразу поймет...»

Хаста стиснул зубы, пытаясь совладать с собой.

– Если я и лазутчик, то только свой собственный, – ответил он почти спокойно. – Не буду скрывать, я желал с тобой встречи, Зарни Зьен, ибо слышал о тебе много необычного. Вот почему наша встреча – судьба это или случайность – лишает твердости мой голос...

– И что же ты обо мне слышал, жрец Исвархи из столичного храма? – вкрадчиво спросил Зарни. – Много ли рассказывал обо мне святейший Тулум?

У Хасты перехватило горло так, что он какое-то время не мог вздохнуть.

Зарни захихикал.

– Святейший Тулум никогда не упоминал о тебе! – воскликнул Хаста, все ясней понимая, что от этого разговора зависит его жизнь. – Да, я в самом деле жрец из столицы, но ранг мой весьма невысок. Кто я такой, чтобы святейший обсуждал со мной свои замыслы? Зато в Яргаре, в Белазоре и прочих местах, где пролегал мой путь, я о тебе слышал немало. Все славят Зарни, все рассказывают о невиданных чудесах...

– А что ты делал в Яргаре, в Белазоре и прочих местах?

– Вез письма из столицы в Северный храм, – совершенно искренне ответил Хаста.

Зарни призадумался.

– Наклонись ко мне, – приказал он.

Хаста повиновался. Гуслир протянул руку и быстро ощупал лицо жреца.

– Ты старше, чем я думал, – пробормотал он. – Много странствуешь... И ты умен: быстро понял, что врать мне вовсе не следует... От писем, конечно, давно избавился... Ну, вот он я. И что же ты обо мне думаешь?

– Я думаю, – медленно заговорил Хаста, – что ты – жрец Исвархи, распоясанный или беглый...

– Я?! – изумился Зарни. – Жрец Исвархи? – Он расхохотался, но тут же умолк и потребовал: – Продолжай, это очень занятно! Почему ты так решил?

– Чудеса, подобные твоим, умеют творить посвященные в столице, а также и Белазоре. Такие, как Светоч...

– Или Тулум.

– Я не видел, чтобы Тулум являл чудеса, кроме рукотворных.

Зарни принюхался:

– Угу, погремущки вроде Гнева Исвархи, что у тебя в сумке... Ну, продолжай.

– Я думаю, что ты – бывший жрец, изгнанный из храма за некую тяжкую провинность, – продолжал Хаста. – Даже не могу вообразить какую. И кто мог в наказание так искалечить тебя.

– В самом деле, кто бы? – фыркнул Зарни. – Столько умельцев в столичных пыточных!

– Ты был наказан и изгнан и теперь желаешь отомстить храму. Именно затем ты провозгласил новую веру и повсюду насаждаешь ее. Ибо как лучше отомстить врагам, нежели уничтожить то, чему они поклоняются?

– Ну что ж, прекрасно, – одобрил Зарни. – С тобой интересно беседовать, жрец. Но тебя ведь что-то смущает? Я слышу в голосе некое сомнение...

– От тебя ничего не укроется, мудрый Зарни. Я был уверен в своих предположениях, пока не увидел, что ты сурья. Порой сурьи достигают весьма высоких рангов – наместник Аршалай тому пример, – но все же главный храм, тем паче внутренний...

– Ладно, – поднял руку Зарни. – Я услышал достаточно. Спасибо, жрец.

«Это что же – я вообще не угадал? – потрясенно подумал Хаста. – Он не был жрецом? Но где он тогда приобрел подобные знания?!»

– Да, беседа доставила мне удовольствие, – повторил Зарни. – Не поверишь, до сего мига я и сам не осознавал, какая тоска, когда вокруг лишь говорящие орудия... Ты останешься при мне, жрец. Мы иногда будем беседовать.

– Это честь для меня, – склонил голову Хаста.

– Не прикидывайся. Ты, похоже, ловкий плут, а я – загадка, которую тебе не удастся разгадать. Да, ты наткнулся на меня случайно. Но при первом же удобном случае сбежишь и помчишься с докладом к своему любимому Тулуму... Ты ведь любишь Тулума?

Зарни наклонился вперед. Хасте стало жутко от выражения его лица.

– Люблю, – сдавленным голосом сказал он. – Как же не любить его, нашего мудрого отца и наставника...

– Конечно, – съязвил Зарни. – Помню, как на него пялились молодые жрецы в храмовой школе! Будто столичные девки на наследника престола!

Он откинул рысью шкуру, показывая культи:

– Вот это сделал Тулум. Собственными руками.

Хаста отшатнулся. Он в самом деле был поражен.

– Тулум? Быть не может...

– Еще как может, – прошипел Зарни. – И глаза... Потом расскажу, как это было... Теперь ступай. По двору можешь ходить свободно. За ворота – запрещаю. Слуги тебя устроят и накормят... Что там за мальчишка с тобой?

– Я его не знаю. Проводник из местных, – не думая, соврал Хаста. И прикусил язык.

Но утомленный допросом Зарни не заметил промашку.

– Приставим его к готовке, а то Линта совсем стала бесполезна... Знаешь, у меня был раб... Образованный раб из столицы, Варака его звали.

– Варака? – озадаченно повторил Хаста. – Я знал его. Он был распорядителем Великой Охоты... Я думал, Варака давно погиб...

– Погиб, но не так уж давно. Не выдержал суровой северной зимы. Только сейчас я понял, как мне не хватает ученого слуги.

«Ну спасибо», – чуть не ляпнул Хаста.

Но вместо этого робко спросил:

– Я пойду?

– Ступай... Хотя погоди-ка. Ты ведь был в Белазоре? Видел исчезнувшую башню? Что думаешь об этом?

– Понятия не имею! – с полной искренностью заявил Хаста. – Все это сущий бред и дивье наваждение!

Зарни досадливо скривился.

«Ну что ж, – подумал Хаста. – Хоть башню отправил в небо не он... Но тогда кто?»

Глава 4

Жар звезды

Метта вылил в котел берестяное ведро воды. Подождал, пока она зашумит и пойдет пузырями. Всыпал туесок сушеных грибов, помешал плетеной ложкой...

– Отойди, – не выдержал Хаста. – Сам все сделаю...

Уже шестой день пленники жили в Замаровой пади. Бьяры из свиты Зарни на удивление равнодушно восприняли «превращение» Хасты из женщины в мужчину. Никто к нему не лез, вопросов не задавал – все вели себя с рыжим жрецом как с еще одним слугой. Впрочем, по приказу Зарни следили за ним в оба. Хасте уже опостылело постоянно чувствовать на себе чей-то пристальный взгляд. За ограду его не выпускали – да жрец и не думал о побеге. Явной опасности для себя или Метты он пока не видел. А загадок тут было столько, что он не ушел бы, даже если бы его погнали прочь...

Главной из здешних загадок был, конечно, сам Зарни. Чем чаще Хаста беседовал с ним, тем больше его интересовал этот необычный калека. Таинственное прошлое, огромные знания, неведомые цели, чародейский дар – все это завораживало жреца. Пожалуй, за всю свою жизнь Хаста ничего и никого подобного не встречал...

За Меттой тоже приглядывали, но не так, как за жрецом. Подросток ходил на ручей – за водой, стирать, мыть посуду. В сопровождении одного из слуг – в окрестный лес за хворостом. Бьяры, которых Зарни, судя по всему, нанял для охраны и как носильщиков, радостно свалили на мальчишку всю мелкую грязную работу.

Анил за все прошедшие дни не объявлялся. Хасту это очень радовало. «Как бы дать знать арию, чтобы тот и дальше сидел в лесу тихо и ждал до поры?»

Какой такой поры? Вот бы знать...

Густое варево – то ли каша, то ли похлебка с мясом и грибами – забулькало, над котелком поплыло облако пара. Метта принюхался, сглотнул:

– Как ты это делаешь? Вроде все то же самое, что я...

– Жизнь научила, – отмахнулся Хаста.

– Если Зарни понравится твоя стряпня, он тебя никогда не отпустит.

– Он и не собирается меня отпускать, – пожал плечами жрец.

Метта склонился над котелком, будто помешивая еду, и вполголоса сказал:

– Я тут все слушаю разговоры слуг, расспрашиваю, выведываю, как ты просил... Бьяры страсть любят сплетничать. А уж от скуки-то чего только не сболтнут! Перед Зарни они, конечно, благоговеют, но сидеть в глухомани без дел уже им поднадоело...

Хаста кивнул. Он и сам это видел. Слуг у гусяря было много, все набраны недавно. Самые обычные лесные охотники. Гусяря им не платил – работали они ради чести служить самому Зарни Зьену.

– Когда гусяря появился в Бьярме, с ним были другие слуги, – продолжал Метта. – Бьяры говорят – из чужого племени, дривы, что ли...

– И где те дривы? Я их тут не видел.

Метта понизил голос до шепота:

– Их всех убили.

– Кто?

– Да эти самые бьяры. Ночью забили насмерть по приказу Зарни.

– Зачем? – удивился Хаста.

– Кто же знает? Зарни приказал – бьяры сделали. Провинностей за дривами никаких не водилось...

– Мм... – промычал Хаста.

Рассказ мальчика смутил его. Зарни казался человеком мудрым, проницательным и сильным духом. Жестокий и бессмысленный приказ никак с этим не вязался.

– А про Варака слышал? – продолжал Метта.

– Да, гусяр его часто вспоминает. Дескать, далеко мне еще до него!

– Зарни его скормил медведю. Живьем.

Хаста не нашелся что ответить. Он вдруг осознал, что ему неприятно слушать Метту; ему хочется, чтобы мальчик замолчал. А через миг понял причину – и испугался. «Я не хочу знать про Зарни плохое, – понял жрец. – Эге, да он меня исподволь очаровывает... Еще немного, и восхищаться им начну!»

Вслух он небрежно спросил:

– Чем же ему Варак не угодил?

Метта развел руками:

– Понятия не имею!

– Ладно, к делу. Ты выяснил, давно они сидят в Замаровой пади?

– С первого весеннего полнолуния.

– Почти месяц! – покачал головой Хаста. – Получается, после резни в Белазоре Зарни направился прямо сюда... А до того?

– Зарни пришел сюда из Яргары. Тамошний правитель Каргай сперва схватил его как бунтовщика. Точнее, Зарни сам ему сдался. А потом глядь – и Каргай уже всей душой ему предан!

– Ну конечно, – пробормотал рыжий жрец.

Вот, значит, откуда все пошло! Хаста вспомнил, как сам морочил голову правителю Яргары. Даже у него это получилось безо всякого труда – а уж у Зарни! Хитрый, но невежественный и суеверный Каргай оказался для чародея-гусяра легкой добычей. И отличной первой ступенью к власти над Бьярмой...

– Дальше – больше, – продолжал Метта. – К весеннему солнцевороту Каргай на Зарни чуть не молился. Приказал тот всех арьев в озере утопить – так и случилось... Видно, вести дошли до Аршалая, и тот нагрянул в Яргару лично, с изрядным войском. Как раз на праздник очищения и прибыл, когда последних добивали. Народу тьма, песни, пляски, угощение; тут хороводы водят, там арьев топят... И тут Аршалай – да прямо к нашему гусяру. «Ты, говорит, мятежник и колдун, я тебя раскусил. Стража, убейте его на месте!» Каргай не успел и за меч схватиться, как Зарни воскликнул: «Хватайте ящера!» – и на гусях волшебную песню заиграл. И вот тут пошла потеха! Народ кинулся на Аршалая, его собственное войско против него обернулось! Бьяры говорили – даже не подозревали, что наместник Бьярмы умеет бегать, да еще так быстро...

– Как же он спасся, если вся Яргара его ловила?

– Аршалай телохранитель-накх на себе унес. Из всего войска только на него чары Зарни не подействовали...

«Вот оно как, – подумал Хаста. – Теперь ясно, почему Аршалай где-то спрятался и носа не кажет. Понял, что такое этот Зарни... Любопытно, чем наместник занят сейчас?»

Хасте представилось, как темной ночью Замарову падь окружают смуглые парни в черной одежде и воздух наполняется свистом метательных ножей... Хорошо бы... Но это лишь мечты. С тех пор как Аршалай приказал убить Данхара, накхи больше не служат ему. Все они покинули Бьярму – ему ли не знать?

– После этого Зарни поехал в Белазору, – продолжал Метта. – Тогда и началась настоящая резня. В Яргаре-то арьев жило немного, а вот в Белазоре прямо ужас что творилось, вчуже слушать страшно. Зарни туда уже под конец прибыл – и сразу к храму...

Хаста кивал, вспоминая рассказ стражников. Все совпадало.

«Чего он искал в Белазоре? Получил ли то, что хотел?»

Должно быть, нет. Храм-то улетел.
И тогда Зарни отправился в Замарову падь...

– Мм, как пахнет!

Хаста вздрогнул, возвращаясь мыслями во двор. Вокруг кипящего котла, облизываясь, уже похаживали прочие слуги.

– Рыжий, дашь пробу снять?

– Скоро, скоро, – усмехнулся Хаста.

Метта молодец, много вызнал! Теперь Хаста кое-что знал о прошлом гусяра, о том, чем он занимался в Бьярме. Да только это все не главное...

«Зачем он здесь? – вертелось в голове. – Какого Хула торчит в этой пади? И... что с Линтой?»

Старая Линта была второй загадкой, которая не давала Хасте покоя. Прежде бодрую, ехидную бабку было не узнать. При встрече она явно не признала ни его, ни Метту – да и вообще едва ли понимала, кто она и что творится вокруг. Сильно постаревшая, иссохшая Линта бродила то по двору, то вдоль опушки леса, подбирала хворостинки, дребезжащим голосом распевая какие-то бьярские песни. Порой сидела на завалинке, что-то бормотала себе под нос. Хаста давно уже не верил, что она притворяется. Он видал людей, сошедших с ума, и видел, что со старухой очень неладно. И с каждым днем все хуже...

Вместе с Меттой они сняли кипящий котел с очага. Хаста налил миску похлебки, обернул полотенцем и понес к Зарни в избу. В солнечные дни тот обычно сидел во дворе, подставив лицо солнцу. Нынче было ясно, хоть и холодно, однако гусяр почему-то остался в доме.

Проходя мимо прорубленного в бревне оконца, Хаста слышал голос гусяра и застыл на месте, едва не выплеснув обед на землю.

Зарни что-то говорил на высоком наречии арьев.

«Я, верно, сплю! – опешил Хаста. – Или здешнее безумие заразно? Этак скоро я с бабкой Линтой под ручку гулять начну...»

У высших арьев был свой тайный язык, на котором говорили их предки, прибывшие в земли восхода. Всем прочим его учить запрещалось. По сути, этим языком владела лишь царская семья и столичная знать. Читать – но не говорить – на нем учили жрецов. Хаста в юности тайком немного поучил этот язык, но почти все забыл.

«Та... таара... Дальше не понял... Святое Солнце, да Зарни там не один!»

Теперь говорила женщина. Хаста сразу узнал голос. Линта? Они разговаривают?!

Однако, прислушавшись, понял – нет. Говорил лишь Зарни, старуха просто бормотала себе под нос свою обычную бьярскую околесицу.

Зарни тихо, с угрозой в голосе что-то спросил. Потом медленно, с расстановкой повторил вопрос. Хаста почти разобрал:

«Сатта... накшатра?»

– Эй, жрец! – раздался оклик из окна.

Хаста резко выпрямился, горячая похлебка все-таки выплеснулась ему на руки.

– Хватит уши греть, – насмешливо продолжал Зарни. – Хоть ты и затаил дыхание, но аромат похлебки просто с ног сносит. Вернее, снес бы, если бы они были. Иди сюда!

Хаста, обливаясь холодным потом, поспешил в избу.

Однако Зарни вовсе не сердился.

– Что трясешься? Здесь все подслушивают, – произнес он с добродушным презрением. – Я уже привык. Это рабская и жреческая сущность – подслушивать, вынюхивать, сплетничать. Поэтому я время от времени и заменяю всех слуг на новых... Ты понял, жрец?

Хаста кивнул, ставя перед ним миску. Зарни вытащил из тула на поясе ложку, зачерпнул похлебку...

– Кстати, я распознаю яды по запаху, – прибавил он. – Все известные в Аратте. Я неплохо в них разбираюсь, как, верно, и ты. Есть яды совершенно без запаха и вкуса, но они наперечет и слишком дороги. К большинству из них я невосприимчив...

– Да я и не думал!

– Вот и не думай.

Зарни принялся есть, явно наслаждаясь каждой ложкой. Хаста было решил, что тот его отпустит, но Зарни не спешил.

– Много ли ты понял из того, что подслушал? – внезапно спросил он.

Прежде чем рыжий жрец ответил, гусяр наклонился через стол и поймал его за руку. Хаста ощутил его пальцы на запястье, где билась жилка.

«Опасность! Опасность!» – застучало в висках.

– Почти ничего, мудрый Зарни... Я просто шел мимо и услышал обрывок...

– Почти, – хмыкнул гусяр. – Очень интересное слово! Ты ведь не арий, тебе запрещено знать этот язык. Впрочем, я тоже не арий... Ты самый любопытный жрец, кого я встречал. Любишь совать нос в чужие дела, да?

– Есть такое, – со вздохом признался Хаста. – С детства терплю страдания через свою тягу к знаниям...

Зарни хмыкнул, отпустил его руку и вернулся к еде.

«Он задавал Линте очень важные вопросы, – подумал Хаста. – Уж не ради нее ли он тут торчит?»

Его охватило нехорошее предчувствие.

«Ох, жаль, что Зарни меня заметил... Ох, не вовремя я оказался у того окна... Не пора ли бежать отсюда?»

Он не успел. Только было пошел предложить помощь Метте, чтобы вместе с ним тащить грязный котел на ручей и там попытаться ускользнуть в лес... В этот миг бьяры молча кинулись на него всей толпой. На жреца обрушился град жестоких ударов. Хасту сбили с ног; он скорчился, закрывая руками голову... Не помогло – кто-то пнул его в висок, и Хаста сразу потерял сознание.

Жрец пришел в себя от острой боли в голове, ощущения тяжести и удушья. Когда мир перестал плавать перед глазами, Хаста обнаружил, что прикован толстой цепью к столбу коновязи. Шею оттягивал заклепанный обруч. «Похоже, я тут надолго», – подумал он, пытаясь приподняться, но упал набок, и его вывернуло. Мир снова потемнел, покосился и поплыл по кругу...

* * *

В небе сияли яркие, колючие звезды, словно узорчатой рамкой окруженные еловыми верхушками.

«И это у них называется весна», – думал Хаста, скорчившись и обхватив себя руками. Ему дали две вытертые шкуры – подстелить под себя и укрыться, – но толку от них было немного. Хасте невольно вспоминалась ночь в яме, в крепости у накхов. Там он тоже лежал на мерзлой земле, избитый и беспомощный, и смотрел, как сквозь решетку на него падает первый снег... Но там рядом была Марга...

«Накшатра, лунное стойбище... – думал Хаста, стуча зубами. – Зарни ищет накшатру...»

Слепой гусяр не просто мстит жрецам Исвархи. У него есть и другая цель.

Но зачем ему накшатра? Он, сурья, даже не сможет войти туда... Всякий, кто слышал об этих храмах, знает, что они убивают чужаков...

«Должно быть, Зарни откуда-то прослышал о „бессмертном колдуне“ Замаре... А Линта много лет жила при Замаре и наверняка все о нем знает... Уж не Зарни ли довел ее до безумия?»

Со стороны овина, где устроили себе жилище слуги, приблизилась невысокая тень.

– Хаста, как ты? – послышался голос Метты. – Я тебе одеяло принес... За мной приглядывают, я должен вернуться...

– Так иди, – с трудом проговорил Хаста, онемевшими руками наматывая на себя грубое шерстяное одеяло.

– Слуги шепчутся: ты подслушал то, что нельзя, и будешь наказан.

– Зарни меня убьет?

– Нет... Завтра тебе подрежут сухожилия. Зарни хочет, чтобы ты остался при нем и никуда не сбежал.

Хаста тихо выругался, поминая Хула.

– А глаза он мне выколоть не собирается?! Вот будет парочка!

– Хаста, что делать? – тоскливо спросил Метта. – С меня глаз не сводят. Я думаю, Зарни и меня убьет... Но сперва сведет с ума допросами, как Линту... Может, как-то дать знак Анилу?

– Слушай, – перебил его Хаста, – я пока не знаю, но мы непременно выкрутимся. Веди себя тихо, будь наготове...

– Я в тебя верю, Хаста, – серьезно ответил Метта. – Ты любимец судьбы. На тебе – благословение богов.

– Бога, – поправил Хаста. – А, ладно, богов так богов. Чем больше богов на моей стороне, тем лучше...

Ночь длилась бесконечно. Звездный рисунок медленно сдвигался в черном небе, холод лишь усиливался. Хаста уже не чувствовал ни рук, ни ног. Оставалось только размышлять.

Теперь он обдумывал то второе слово, которое успел услышать и понять.

«Таара» – «жар звезды».

Это сложное понятие Хаста слышал на уроках богословия в храмовой школе. Оно означало звездный огонь как высшее проявление силы Исвархи. Богословие Хаста терпеть не мог, считал бесполезным умствованием. Но никогда не знаешь, что пригодится в жизни! Будущим жрецам рассказывали о том, что огонь Исвархи имеет множество видов и проявлений в этом и иных мирах. Низшие виды огня видимы глазами и осязаемы телами – как обычный жар очага. Высшие – просвещают душу и преображают мир. Звездный огонь, таара, был одним из самых высоких уровней божественного пламени. Он давал свободу от законов видимого мира, выход за его пределы, когда материя становилась слишком грубой, словно крупноячеистая сеть, и теряла власть над бессмертным духом.

Откуда вообще бродячий гуслир знал о «жаре звезды»? И главное – чего хотел от Линты?

«Я должен узнать!»

– На, возьми!

Хаста открыл глаза и увидел призрак. Поморгал, потряс головой. Призрак никуда не делся.

Бледная тень в лохмотьях стояла рядом с коновязью. Кажется, ветер дунет – и унесет.

– Линта?

В свете звезд старуха выглядела прозрачной. Как она постарела, как иссохла!

– Бери, говорят тебе! – сварливо приказала она.

– Что это?

Хаста прищурился. Линта совала ему в руки большую, грязную и рваную кожаную рукавицу. Хаста вроде даже видел ее на полу в дровяном сарае. Еще подивился, какая здоровенная...

– Рукавица – или совсем ослеп? Батюшка Замара в ней изгородь собирал...

Хаста покосился на торчащие в небо сосновые комли и сунул внутрь руку. Половина пальцев сразу выглянула сквозь дыру.

Линта усмехнулась ввалившимися губами:

– Ну дела! Голова рыжая – а небесной крови ни капли нет! Жаль... Ладно, арию своему бестолковому отдашь. Рука его к голове приведет...

– Какой голове?

Хаста решил, что безумный разговор ему снится. Вот сейчас он ущипнет себя, откроет глаза, и Линта растает...

Старуха быстро забормотала, словно стараясь рассказать побольше прежде, чем собеседник проснется:

– Зарни может заставить говорить даже камень. Я все ему рассказала, что помню, – куда мне против него? Но он мучает меня, чтобы вытащить даже то, что я забыла... Мы ведь давно друг друга знаем – еще с тех времен, когда его тайно обнимала царица... Я уже и тогда боялась его. Никогда я не была тверда духом... Он роется в моих воспоминаниях, будто разбойник в разоренном дворце... Там еще есть тайные комнатки, но он найдет их... он найдет все...

«Не такая уж она и сумасшедшая, – подумал Хаста, чувствуя внезапный прилив сил. – „Твой арий“ – это она про Анилу. Она знает, что он прячется в лесу, – конечно, ее-то не запирают!»

– Как я отдам рукавицу, если сижу на цепи? – спросил он. – Ты можешь освободить меня?

– Арий может. Ты только рукавицу не забудь...

Линта обернулась и слабо помахала рукой. Из-за сарая появилась другая тень – на этот раз высокая и широкоплечая, с мечом в руке.

– Хаста, ты? Старуха нашла меня в лесу, – тихо проговорил Анил, настороженно оглядываясь. – Я за вами уже несколько дней слежу. Это не ловушка?

– Надеюсь, нет. Вот, возьми.

– Что за рвань? – удивился юноша.

– Не знаю. Рукавица Замары. Надевай!

Анил взял рукавицу, брезгливо сунул внутрь руку – и вдруг все окуталось золотым светом, таким ярким, словно среди ночи вдруг взошло солнце.

– Что за... – донесся изумленный возглас из средоточия сияния.

– Скорее, – закричал Хаста, прикрывая глаза рукой, – сейчас слуги проснутся!

– Что делать-то?!

– А-а-а, не знаю! Освободи меня!

Анил, не думая, схватился за цепь, дернул – и она порвалась, как нитка.

– Ого! – восхитился Анил, рассматривая руку, а точнее, нечто, видимое только ему одному. – Красота какая!

Хаста попытался разглядеть, чем там любитесь Анил, но тут же зажмурился от сияния.

Дверь овина распахнулась, наружу один за другим начали выбегать полуодетые слуги.

– Что такое? Пожар?!

Подворье наполнилось голосами. Анилу заметили, в воздухе просвистело копьё. Арий вскинул руку, чтобы отбить его, – древко разом вспыхнуло и упало на землю двумя половинками.

– Змеелюд! – раздался общий крик. – Здесь змеелюд!

– Найди Метту, и бежим отсюда, пока не проснулся Зарни! – приказал Хаста. – А я пока...

Он метнулся к Линте, схватил ее за руки:

– Что такое таара? Почему о нем говорил Зарни?!

– Жар звезд может и творить миры, и разрушать их! – неспешно, словно на храмовом празднестве, заговорила Линта. – Звезды падали с неба; одни вспыхнули, другие нет. Там, где вспыхнули, – мир исказился. Ступайте в землю вурсов, к могиле Замары! Вам нечего бояться – там нет звезды, она упала далеко, в Змеевом море... Замара был один-единственный, кто спасся. Видно, золотой кораблик вывел его из водной бездны! Кораблик у царевича, хвала Солнцу... но еще осталась голова!

– Я ничего не понимаю! – взвыл Хаста.

– Пусть твой арий заберет голову... пока ее не забрал Зарни!

К ним подбежали Анил и Метта. Целая толпа бьяров заполонила двор, но держалась на отдалении. Никто не хотел приближаться к змеелюду, одетому в золотое пламя.

– Слышишь? – крикнул Анил. – Началось!

В избе, родником пробиваясь сквозь вопли и топот, зазвенели струны. Проснувшийся Зарни взялся за дело.

– Бежим! Метта, скорее! Линта, беги!

Через миг трое исчезли за сараем. Метта еще с осени помнил, что там по ручью можно было уйти в лес. Вдруг будто солнце погасло, и на мир снова обрушилась ночная темнота – Анил снял рукавицу...

Линта проводила их глазами. Бросила торжествующий взгляд на избу, откуда доносились гусельные переливы, вытащила из рукава длинный кинжал и с размаху воткнула его себе в горло.

Глава 5

Шлем Исвархи

– Вот она, черная гора! – воскликнул Метта, указывая куда-то вниз.

Хаста, Анил и Метта стояли на краю обрыва. Под ними раскинулся головокружительный простор. Расчерченные резкими тенями, отрог за отрогом уходили вдаль укрытые снегом горные гряды. Вершины их озаряло заходящее солнце, а подножия утопали в сизой дымке. А над ними, обнимая все небо, белой стеной поднимался Великий Лед.

– Видите вон там черные деревья, похожие на копья? Это знаменитые гусельные ели. Бабушка Линта рассказывала: когда дует ветер, ели раскачиваются и вся роща играет не хуже ватаги гусяров...

– Что ж, – буркнул Хаста, глядя на круглый черный холм у них под ногами, в самом деле разительно выделявшийся среди заснеженных гор. – Значит, Анил, можно тебя поздравить. Непонятно как, мы вышли куда надо.

– А я говорил! – вскинул голову арий. – Я знал, куда идти. *Она* указывала путь. – Он похлопал по заткнутой за пояс чудо-рукавице. – Иду и чую – идем верной дорогой!

– Что ж, возблагодарим Исварху, что тебе не казалось! Иначе мы бы промахнулись и уперлись прямо в Великий Лед...

Все трое устремили взгляды вдаль, на белую отвесную стену. Невообразимо огромное и высокое плоскогорье нависало над лесистыми грядками, словно передний край другого мира. При виде его все слова исчезали; хотелось лишь смотреть в немом благоговении, ощущая себя пылинкой среди гор, снегов и льдов.

«Что там, за окомом? – подумал Хаста. – Похож ли Великий Лед на Змеиный Язык? Никому еще не удавалось подняться на эту стену... Может, там тоже живут мамонты и саблезубцы? Или вовсе неизвестные существа? Или даже люди вроде мохначей?»

Жрец покосился на товарищей. Метта беспечно глазел вдаль. А вот Анилу не было никакого дела до Великого Льда. Держа в левой руке рукавицу Замары, он разглядывал ее с восторженной улыбкой, какую Хаста ни разу прежде не видел на лице молодого ария. Разве что разок, когда тот на празднике Заплетания Косы заметил, как красива юная Яндха...

Эта нежная улыбка, обращенная к ветхой почерневшей рукавице, вселяла в сердце Хасты непонятную тревогу.

Анил не замечал пристального взгляда жреца – все его внимание было приковано к рукавице. До чего же она ему нравилась! Это было нечто большее, чем просто радость от обладания волшебной вещью. Анил испытывал скорее чувство родства с ней. Когда он надевал рукавицу, то как будто становился настоящим собой. А когда снимал – его охватывала печаль, как от разлуки с любимым другом.

Сыну Аршалая казалось крайне забавным, что спутники не разделяют его восхищения. Все, что они видели, – старую рукавицу из сгнившей кожи. Когда же Анил надевал ее, друзья прикрывали глаза или отворачивались, будто золотое свечение причиняло им боль. Арию же хотелось пить это свечение, вдыхать его, словно аромат цветов...

– Пойдемте! – возглас Метты оторвал Анила от созерцания. – Если начнем спускаться прямо сейчас – успеем добраться до горы к закату.

– А я бы не торопился, – ответил Хаста. – Не хочется влететь с разбегу в ловушку, как с нами один раз недавно уже случилось...

– Нет там никакой ловушки, – рассеянно ответил Анил.

«Что ему еще сообщила рукавица?» – раздраженно подумал Хаста.

– Вряд ли там ловушка. Просто могила колдуна Замары, – сказал Метта. – Осенью туда ходили Светоч с государем Аюром и вернулись невредимыми...

Подъем в горы на снегоступах по заснеженным склонам был тяжел для подростка. Он снова начал прихрамывать, но не жаловался, – лучше уж терпеть боль, чем снова угодить к Зарни. Но всей душой желал, чтобы их поиски скорее завершились.

– Гм... А вдруг в той могиле осталось что-то еще? – с надеждой спросил Анил. – Может, вторая рукавица?

Хаста невольно усмехнулся и спросил:

– Кстати, вы не забыли о вурсах? Об их любимых домашних зверюшках?

– Вурсы нам не враги, – заметил Анил. – Они очень помогли государю.

– Надеюсь, они об этом еще помнят...

– Вурсы страшные, но добрые, как и их звери, – подтвердил Метта. – Я полюбил их, когда они гостили в Замаровой пади. Они нас не обидят. Если только с ними все хорошо.

– О чем ты?

– Мы уже совсем близко к их владениям, а я ни разу не видел ни следов волчьих секачей, ни помета, ни клочьев шерсти на деревьях...

– Так и есть, – подтвердил Анил. – По правде говоря, этот край выглядит вовсе необитаемым.

Рыжий жрец устало закатил глаза:

– Святое Солнце! Почему вы не сказали раньше? Мы все-таки заблудились, и это совсем не та гора... Анил, твоя рукавица никуда нас не вела! И хватит на нее пялиться! Ты похож на одержимого!

– Я, может, и в самом деле малость одержим, – признал Анил. – Ты ведь видел, что она может? Ух! Я чувствую себя так, словно сам Исварха подарил мне свою правую руку!

– Главное, чтобы Исварха не отобрал у тебя при этом голову, – буркнул Хаста. – Анил, можно тебя кое о чем попросить? Не надевай ее без важной причины.

– Почему?

– Мы ничего о ней не знаем. Что это за вещица и – главное – для чего? Да, мы знаем, что она дает тебе необычную силу. А что берет взамен?

– Ладно, – не слишком охотно отозвался Анил, пряча рукавицу в сумку.

«Эта вещь не для простых смертных... Сколько еще таких штук спрятано у Линты? И что она там говорила про голову Замары?»

* * *

Однако гора оказалась та самая. Просто вурсы там больше не жили.

На закате путешественники спустились к поселению, которое, очевидно, было давно брошено. Среди ельника темнели огромные островерхие котты – в каждой такой разместилась бы целая деревня бьяров. Но дым не поднимался из вытяжных отверстий, и между домами лежал глубокий снег. Ни людей, ни зверей...

– Что ж, есть одна хорошая новость, – сказал Анил, когда они обошли все селение. – На вурсов никто не нападал. Нет никаких следов сражения. Они собрались и ушли сами.

– Причем давно, – добавил Метта. – Думаю, сразу, как вернулись с Замаровой пади. Снег, кажется, с осени никто не тревожил.

– Поглядели на накхов и поняли, что от людей надо держаться подальше, – усмехнулся Хаста.

В сущности, это могло оказаться и правдой. Великаны-вурсы, вопреки их устрашающей внешности и чудовищам-секачам, были самым добродушным народом из всех, кого он встречал. Они жили в мире и согласии между собой и в глубоком духовном родстве со своими полуразумными секачами. Возможно, мудрые звери и приняли решение уйти...

– Или, – добавил Метта, – им стало нечего охранять. Государь Аюр ведь унес поющий кораблик!

– То есть в гробнице ничего не осталось? – помрачнел Анил. – Но зачем тогда старуха нас сюда послала?

Хасте вдруг вспомнилась Великая Охота. Долгое странствие через опустевший, безлюдный Змеиный Язык... Растерянный Варак, лепечущий разгневанному Шираву: «Я не знаю, где звери, господин! Они были, но ушли!»

Ушли на север звери, ушли мохначи – а потом землю рассекли бездонные трещины. Они дышали ледяной смертью. В одну такую трещину на обратном пути провалился Аюр...

Жрецу даже на миг почудилось, что гора вздрогнула под ногами. А если вурсы тоже что-то почуяли?

– Ну что, где эта знаменитая могила колдуна? – спросил неунывающий Анил. – Не пора ли ее осмотреть?

– Спать пора, – возразил Хаста. – Завтра пойдем.

Они выбрали для ночлега самую маленькую котту, развели огонь в очаге и впервые за долгие дни крепко заснули под призрачный звон черных елей. Ничто не тревожило их сон. Только Анилу в предутренней дреме поместился голос, который громко произнес прямо над ухом: «Круче к ветру!»

– Кто здесь?! – подскочил юноша.

В протопленной котте было темно и тихо. Только одна далекая золотистая звезда заглядывала в вытяжное отверстие.

Наутро, едва рассвело, они отправились на поиски.

* * *

Могила Замары нашлась около полудня. И вовсе не на вершине горы, в поющей роще, как предполагал Хаста, а внизу под горой, с противоположной стороны холма.

Они бы, наверно, и вовсе не нашли ее, если бы Анил не застыл у каменной осыпи, почти полностью укрытой снежным пологом, и не ткнул пальцем:

– Туда!

– Туда? – Хаста поглядел на едва заметный под снегом завал. – Да это же просто груда валунов. И я не вижу никакого входа...

– Он там – но засыпан. Вурсы, уходя, нарочно завалили его.

Хаста еще раз обозрел завал:

– Ну тогда все зря. Нам никогда не откатить этикие каменюки.

– Ха! Пустите, слабаки!

Анил потянулся за рукавицей.

– Хаста, это же та самая «важная причина»?

– Зажмурься, Метта, – со вздохом сказал жрец.

Вспышка ослепила даже сквозь сомкнутые веки. Послышался стук и скрежет и затем, очень скоро, оклик Анила:

– Я ее снял. Смотрите!

Среди раскиданных валунов, в склоне поросшей кривыми соснами горы, открылся низкий темный ход. Оттуда волной накатила отвратительная вонь.

– Да там и впрямь могильник. – Хаста попятился, зажимая нос. – Анил, нам точно туда?

– Туда, – подтвердил юноша уже не таким уверенным голосом.

– Что ж... Полежай.

– Почему я?!

«Потому что если это в самом деле накшатра, то из нас троих войти и выйти живым сможешь только ты. Может быть...»

– Ты ведь, насколько я помню, из очень знатного рода? – спросил Хаста вслух.

– Не совсем, – сказал Анил. – По отцу я даже не арий. Но отец моей матери, Рашна Око Истины, был верховным судьей в столице. Один из наших родовых титулов – Идущие по звездам, а его носят только самые...

– Ладно. Авось в тебе хватит небесной крови.

Анил хмыкнул и направился к норе. Хаста проводил его полным сомнений взглядом.

Да уж, не так он представлял себе храм древних арьев! Величественное здание среди священной рощи... Вырубленный в скале лабиринт... Но никак не зловонная яма на задворках дикарской деревни!

«Может, это и не храм никакой, – с упавшим сердцем подумал Хаста. – Просто могила какого-то колдуна. А все остальное – бред выжившей из ума старухи...»

– Иди, Анил, – вздохнув, сказал он. – Вот еще что: если увидишь отгиск ладони – приложи к нему свою руку и произнеси... э-э-э... Ну, скажем: «Именем Солнца,пусти меня по праву крови, лунное стойбище!»

– Запиши, я выучу, – проворчал Анил, заглядывая в нору. – Фу-у, ну и вонь...

– Рукавицу не надевай! – крикнул Хаста ему вслед.

* * *

Хаста и Метта ждали так долго, что успели замерзнуть. Солнце ушло за тучи, все погрузилось в серую тень. Низкие тучи плыли по небу, кружились редкие снежинки. Метта топтался, переступая с ноги на ногу от холода и нетерпения. Он начал уже поглядывать на вход, но рыжий жрец строго запретил ему даже подходить к пещере.

– Чувствуешь, пахнет? Весьма вероятно, что это останки предыдущих гробокопателей!

– Как думаешь, Анил в порядке? – спросил Метта, попятившись от темной ямы. – Он что-то долго... И ничего не слышать оттуда...

Хаста только вздохнул.

«Исварха Всесветлый, направь нас на истинный путь! – мысленно взмолился он. – Я не часто беспокою тебя просьбами, всегда предпочитал справляться сам. Но сейчас мы идем на ощупь во тьме. Каждый шаг грозит гибелью, а на кону – судьба Аратты. Помогите же нам не испортить то, что зависит от нас, и довериться тебе в том, что зависит от тебя! И главное, не перепутать первое и второе...»

Будто в ответ на его молитву, из норы послышался кашель и громкий шорох.

– Помогите! – раздался слабый голос молодого ария.

Хаста, забыв о собственных предостережениях, кинулся на помощь товарищу:

– Давай руку! Ты цел?

– Цел... Погоди, тут тесно... Неудобно-то как!

Анил, щурясь от дневного света, выполз из норы. Юноша с ног до головы был весь выпачкан в земле, паутине и пыли. За собой он волочил нечто большое, завернутое в его собственный плащ.

– Вы сейчас с ума сойдете, – тяжело дыша, пообещал он. – Хаста, разверни...

Метта сунулся к свертку первым, но жрец схватил его за руку:

– Погоди. Анил, что ты видел в норе?

– Мертвецов, – пожал плечами Анил, с удовольствием распрямляясь во весь рост и стряхивая клочья паутины. – Сперва нора вниз шла – ход темный, сырой, все костями завалено. Едва не свалился в какую-то яму – оттуда сильнее всего мертвечиной воняло... Обошел ее по

стенке, топаю дальше. Вошел в склеп – там было уже посветлее, воздух почище. Глядь – на возвышении лежит истлевший скелет в бронзовом доспехе...

– И только? А отпечаток ладони видел? Слышал голоса? Жар ощущал?

– Ничего подобного.

– Вот как, – пробормотал Хаста, испытывая нарастающее разочарование. – Значит, там больше нечего охранять, кроме старых костей. Вурсы завалили вход и ушли, Аюр со Светочем забрали гусли, и больше там...

– А вот и осталось, – торжествуя заявил Анил. – Давай-давай, разворачивай!

Хаста развернул плащ. Его взгляду открылся позеленевший бронзовый шлем. Некогда этот шлем, должно быть, был очень впечатляющим. На темени перепончатый гребень, маска в виде морды змея, закрывающая лицо...

– Снял со скелета, – объяснил Анил. – Там еще много осталось – нагрудник, поножи, вторая рукавица, – но сразу все не унести. Отдохну, еще слазаю... А теперь глядите!

Юноша протянул руку, прикоснулся к древней бронзе – и она вспыхнула слепящим пламенем.

– Перестань! – закричал Хаста, прикрывая глаза ладонью.

Он чувствовал себя так, словно взглянул прямо на солнце.

– Видали? – воскликнул Анил, убирая руку и укрывая шлем краем плаща. – Я как увидел мертвеца, сперва решил, что это просто старые кости... Но едва прикоснулся к доспехам, как все озарилось! И скелет изменился. Он на самом деле выглядит как спящий в золоте...

– Скорее всего, только ты его таким видишь, – ответил Хаста, смахивая выступившие слезы.

– Он такой и есть! Старый воин, примерно как мой дед...

– Ну не настолько, – возразил Хаста. – Замара прожил лет четыреста. Может, именно благодаря этим латам...

– Да, бабушка Линта говорила, что он в последние годы надевал доспех и спал в нем целыми месяцами, – подтвердил Метта.

– А ну-ка я попробую...

Хаста осторожно потрогал змеиное забрало. Ничего не произошло.

– А сплетничали, что мой отец мог быть арием, – хмыкнул он. – Что ж! Думаю, это та самая голова Замары, о которой и говорила Линта. Мы ее нашли!

– Предлагаю назвать его Шлем Исвархи! – торжественно произнес Анил.

– Остается понять, что с ним делать...

– Как что?

Прежде чем Хаста успел остановить его, юный арий водрузил древний шлем себе на голову. Рыжий жрец не успел зажмуриться – а потом то, что он увидел, заставило его замереть на месте.

– Исварха Всесветлый!

Анила целиком окутывало золотое свечение. Шлем будто прирос к его голове, изменились даже очертания тела. Не доспех – скорее, новая кожа, новые конечности, новое лицо. Не человек в волшебном доспехе, а совершенно иное существо...

– Золотой змеелюд! – выпалил Метта.

– Сам ты змеелюд, – послышался из сияния голос Анила.

– Ты бы себя видел!

– А я вижу, – сияющее существо повертело головой, поднесло к глазам руку. – Да я же великолепен!

– У тебя сейчас вместо лица – змеиная морда, а глаза горят, как два факела! – воскликнул Хаста. – Ты нас видишь?

– Еще как! – сияющий человек оглядел себя. – Святое Солнце, я весь в огненной чешуе! Господь Исварха окутал меня своей солнечной броней! Глядите, это же свет! Я одет в свет! А ну-ка, Метта, возьми мой меч и ударь! Ну давай!

– Метта, не надо... Хотя ладно, бей! – разрешил Хаста.

Сердце его прыгало в груди от волнения.

Подросток осторожно приблизился и ткнул мечом в сияние. Раздался треск, бронзовый меч вспыхнул как деревянный. Метта с криком отбросил его в сторону.

– Так и думал – я неуязвим! – раздался ликующий крик Анила.

– Снимай-ка шлем, – приказал Хаста. – Потом изучим. Пока достаточно... И вот еще что... Ты владеешь вашим тайным языком? Ничего на нем не произноси!

– Почему? – озадаченно спросил Анил. – А, я понял! Ты хочешь сказать, что шлем может слушаться моих приказов?

– Нет, не надо! – заорал Хаста.

Но Анил уже что-то произнес на языке арьев.

И взлетел.

Хаста и Метта ахнули, глядя на сияющий призрак, висящий в воздухе на уровне еловых верхушек. Призрак помахал им рукой и плавно спустился вниз.

– Пожалуйста, сними шлем, – дрогнувшим голосом попросил Хаста.

– Дай мне! – протянул руки Метта. – Я тоже хочу примерить!

– Хочешь, чтобы он поджарил тебе голову?! – рявкнул Хаста. – Анил! Я прошу...

Анил двумя руками снял шлем. Свечение сразу погасло; золотая змеиная голова обернулась старым бронзовым шлемом, который он притащил из склепа. На этот раз всем троим показалось, что мир погрузился в сумерки.

– Видали?! – усмехаясь, спросил Анил.

– Как ты? – подбежал к нему Хаста.

– Словно я родился в этом божественном шлеме!

«Верно, и Замара так себя чувствовал, – подумал жрец, – если даже завещал себя в нем похоронить...»

– Вот и отлично! А теперь отдай его мне. Нам всем надо перевести дух, успокоиться...

Анил протянул было ему шлем, но вдруг замер:

– А что, если...

Он вновь надел шлем и произнес несколько слов.

Что-то случилось с миром, почувствовал Хаста. Нечто такое, чего прежде не бывало; что-то изменилось в самой ткани мироздания. Жреца охватил ужас, какого он в жизни не испытывал. Окаменев, он видел, как дрожит окутывающее Анила золотистое сияние. Как сквозь чешуйки солнечной брони пробиваются тончайшие лучи света. Они тянулись во все стороны, словно что-то пытались нащупать, словно что-то искали...

Через один бесконечный миг Хаста понял – они искали его.

Золотые лучи проникли в его тело, и оно вспыхнуло, будто в него ударила молния. На мгновение Хаста испытал то же самое, чем, верно, упивался Анил: тело его больше не было плотью этого мира, оно превратилось в чистый, безупречный свет Исвархи. Дикий восторг обрушился на Хасту...

А потом все прошло.

Больше никакого свечения – только мир вокруг изменился.

Хаста не успел заметить, как это случилось. Просто только что вокруг был хвойный лес, каменная осыпь, сосны... Золотистая рябь... Мир изменился, застыл в совершенно иных формах.

Теперь вокруг тоже был серый зимний день и летели редкие снежинки.

На этом сходство заканчивалось.

Глава 6

Идущий по звездам

Они стояли в распадке среди двух заснеженных склонов. Справа в небо круто уходила ледяная стена. Слева в глубоком ущелье шумел бурливый ярко-голубой поток. Неподалеку виднелся полузасыпанный снегом то ли каменный лоб странной формы, то ли огромный череп какого-то диковинного зверя.

Больше здесь не было ничего.

– Ч-что случилось? – послышался рядом дрожащий голос Метты.

– Клянусь Хравашем, он меня слушается! – выпалил Анил.

Шлем вновь был у него в руках. Юный арий оглядывался с восхищенным и одновременно ошеломленным видом, словно что-то пытался найти взглядом.

Хаста пошевелил губами, глубоко вздохнул. Тело стало прежним, золотые лучи больше не пронизывали его. Удивительно, но он ощутил огромную печаль...

– Хаста, как думаешь, где мы? – спросил Анил.

– Это тебя надо спросить, – ответил жрец. – Что ты приказал шлему, дуралей?

– Отнести нас туда, куда улетела башня Северного храма!

Жрец, проглотив проклятие, обвел взглядом ледяное ущелье. Дикие скалы, ледяные склоны, грохочущий поток...

– Святое Солнце! – севшим голосом пробормотал он. – Похоже на Змеиный Язык. По крайней мере, хочется думать, что это не Великий Лед... Анил, что ты наделал!

– Мы же хотели узнать, где башня! Вот я и подумал...

– Я не вижу тут никакой башни. Не знаю, куда нас занесло по твоей вине. Почему ты меня не слушался?! Дай сюда этот проклятый шлем, пока не натворил новых бед!

Хаста, разгневанный как никогда в жизни, шагнул к арию – и вдруг сильный удар отбросил его в снег.

– Пошел прочь, жрец!

– Не смей бить его! – раздался крик Метты.

– Стойте! – заорал Хаста, видя, что подросток схватился за нож. – Метта, остановись!

Рыжий жрец поднялся из сугроба, охнув от боли: тычок в плечо вышел жестким. Анил стоял, глядя на него исподлобья и закрывая шлем локтем:

– Ты его не получишь!

– Анил, за что?

– Тебе нельзя трогать шлем, – буркнул юноша. – Ты не арий...

Хаста укоризненно посмотрел на него:

– Можно подумать, арию ты бы его отдал!

Анил смутился, но быстро пришел в себя.

– Прости, что оттолкнул тебя, – ответил он с вызовом, – но ты сам напросился.

– Чем же?!

– Ты хотел взять мой шлем!

– Он не твой! Это шлем Замары...

– Нет, Хаста, теперь он мой – как и весь его доспех. Держись от него подальше!

«Если я еще раз попробую тронуть шлем, Анил меня попросту убьет, – подумал Хаста, глядя на искаженное лицо юноши. – Ох мы и влипли...»

– «Отдай шлем», – ворчал Анил, стараясь успокоиться. – Ты бы еще сказал: «Отдай ногу!» Да и зачем тебе шлем? В твоих руках он все равно бесполезен...

Дыхание его понемногу выравнивалось, но взгляд неотрывно следил за товарищами, за каждым их движением.

– Ладно, с доспехами Замары потом разберемся, – поднял руки жрец. – Сперва верни нас назад!

– Зачем? – удивился Анил. – Мы даже не осмотрелись!

– Друг мой, – заговорил Хаста, стараясь говорить спокойно. – Я же не просто так просил не надевать шлем. Я видел, как тебе нравится рукавица, но не придавал этому значения и теперь жалею... А с этим шлемом все в сто раз хуже...

– Не хуже, а лучше! – хмыкнул Анил. – Я чувствую себя богом! Может, я им стал?

– Ты парень, который надел шлем бога, и теперь он сводит тебя с ума!

Анил вскинул голову:

– Я не просто «парень» – во мне небесная кровь! Этот шлем был создан для таких, как я! Ты ничего не понимаешь, потому что ты не арий!

– Ах, прости, ясноликий! Куда уж мне...

Их перепалку прервал громкий возглас Метты:

– Смотрите!

Подросток указывал на то, что на первый взгляд напоминало полузанесенный снегом огромный череп неведомого существа.

– Это же купол башни, – воскликнул мальчик. – Узнаешь, Хаста? Купол главного храма! А сама башня – там, под снегом!

Позабыв о ссоре, друзья устремились к краю ущелья. Когда они подошли поближе, их взглядам предстала башня – или то, что от нее осталось. Судя по всему, падая, она с такой силой ударилась о лед, что расколола его и сама почти целиком провалилась в огромную трещину. Прошедшие с тех пор снегопады почти погребли ее под толстым слоем снега.

– Осторожно! – призвал Хаста, поняв, что тут случилось. – Не подходите! Под снегом могут быть еще трещины...

Он вглядывался в пространство вокруг башни, но не видел ничего, кроме нетронутого снежного покрова. «Башня лежит тут давно, ее уже снегом засыпало... Разрушилась? На первый взгляд нет... Однако наружу никто не выходил... Неужели все погибли при падении?»

И Светоч?

Башня прилетела сюда случайно – или ее сюда привели? Как теперь узнать? Хасте приходилось бывать внутри, когда башня еще стояла на храмовом острове в Белазоре. Он помнил, что вход находился внизу – но сейчас подножие башни погребено глубоко подо льдом...

– Анил, ты куда?!

Оклик Метты отвлек Хасту от размышлений, и он увидел, что Анил направляется напрямик к куполу. Опасность угодить в трещину как будто совсем не тревожила его: арий шел так уверенно, будто знал дорогу.

Метта рванулся вслед за ним:

– Стой, Анил!

– Остановитесь оба, бестолочи! – заорал Хаста.

Анил, не слушая его, легким шагом подошел к самому куполу. Издалека было видно, как велик на самом деле купол и как малы человечки рядом с ним. Вот Анил поднял руки, надел шлем... Вспышка; прозрачная золотая волна пробежала по белым стенам башни. Когда сияние погасло, обе фигурки пропали.

Только ветер выл над ущельем и вихрем неслась поземка, заноса следы.

* * *

– Что же делать? – в отчаянии бормотал Хаста, обхватив себя руками. – Что делать?!

От пронизывающего ветра он укрылся за выступом скалы, но согреться не было никакой возможности. Ни деревца, ни кустика, чтобы развести костер, – ничего, кроме снега и льда.

Рискуя провалиться в трещину под снегом, он добрел до башни – а толку? Ни входа, ни окна – лишь каменные стены. Куда подевались Анил и Метта?

«Разумеется, они внутри! Но раз уж они внутри – их не смущает, что их друг остался снаружи? Почему бы Анилу не забрать и меня в башню? Уж не знаю, что там есть, но могу точно сказать, чего там нет – этого проклятого ветра!»

Время шло, башня лежала, все такая же неподвижная, тихая, мертвая...

«И что дальше?! Торчать здесь, пока не замерзну насмерть? Готовиться к встрече с Исвархой? Ждать дальше, пока Анил не вспомнит обо мне? А если не вспомнит?»

На самом деле такие опасения у Хасты были. Он вовсе не исключал, что Анил, надев шлем, позабыл обо всем – и о государе Аюре, и об их поисках, и о своем друге Хасте, замерзающем на неведомом леднике...

«Светлый Сол, какой же мороз! – стуча зубами, подумал Хаста. – Если буду стоять на месте – точно околею еще до темноты... Может, слезать на тот холм? Осмотрю окрестности... Ну а если ничего не увижу, так хоть согреюсь...»

Жрец поглубже натянул шапку и побрел прочь от башни. Ветер сдул сугробы с пологого склона холма, подниматься будет несложно. Едва ли в этом есть смысл, но вдруг? Если это Змеиный Язык – тут могут оказаться мохначи. Их тропы часто пролегают вдоль рек...

«Все лучше, чем торчать у этой башни и замерзать...»

– Анил, – прошептал Хаста немеющими губами. – Вспомни обо мне!

* * *

Анил стащил шлем и зажмурился, пытаясь прийти в себя. Голова шла кругом, перед глазами плавали золотые пятна. Странно, но то ли шлем стал тяжелее, то ли голова увеличилась, но шлем никак не хотел слезать... Правда, когда юноша осознал, что шлем не снимается, он струхнул и рванул его так, что едва не оторвал вместе с ним половину волос.

И теперь стоял со шлемом в руках, изумленно оглядываясь и пытаясь осознать, что произошло. Кажется, сперва Метта воскликнул: «Смотрите, это же башня!» – а потом тело само приняло решение за юного ария. Руки водрузили на голову шлем Исвархи, ноги понесли его прямо к куполу, торчащему из разлома. Позади раздавались крики Хасты: что-то там про трещины и «вернись»... Метта дергал его за руку и тараторил... А купол был все ближе. Он сиял в зимнем сумраке, словно золотой слиток; кажется, он сам был соткан из света. И Анил без колебаний шагнул в этот свет.

И вот теперь...

– Святое Солнце! Где я?!

Юноша обнаружил, что находится в просторном круглом зале. Пространство заполняло рассеянное свечение, но источника видно не было. Анил поднял взгляд к внутренней поверхности купола, покрытой искусным узором в виде ночного звездного неба. В середине мило-стиво улыбался солнечный лик Исвархи. Анил поглядел вниз. Под ногами, на мозаичном полу, была выложена карта Аратты, со всеми ее лесами, горами, степями и реками, городами и омывающими границы морями...

А на карте лежал Метта – то ли без чувств, то ли мертвый...

Анилу мгновенно стало не до подробностей карты. Он опустился на колени возле под-
ростка, тормоша его, окликая... Но Метта его не слышал. Он лежал спокойно, с улыбкой на лице. И кажется, даже не дышал...

Что с ним могло произойти?!

Анил поднял голову и застыл, ошеломленный. Весь пол башни был завален человеческими телами. Опознать их было несложно: луковые жрецы, храмовая стража...

«Все, кто успел затвориться в главной башне во время бунта... Прежде чем она взлетела... Это что же – они все погибли?»

Но почему? Что их убило? Удар, когда башня рухнула на ледник? Или сам полет, или что-то еще? Тела валялись в беспорядке, словно упали там, где стояли, но лица большинства были безмятежно-спокойны...

Юноша встал и медленно пошел через зал, обходя тела, глядя под ноги.

О, вот и знакомое лицо...

«Бедный Метта! Вот ты и нашел своего отца! Гордись, он был со Светочем до конца...»

Анил вдруг застыл на полушаге. Он кое-что сообразил.

Башня улетела из Белазоры больше месяца назад. Мертвецы же выглядели так, словно погибли вчера!

«Они не мертвы! Здесь творятся какие-то чары, – подумал охваченный волнением юноша. – Без жрецов не разобраться... Может, Хаста поймет? Нет – если приведу его сюда, он упадет бездыханный, как и все прочие... Нет, надо понять самому... Где же Светоч? Не вижу Светоча!»

В самом деле, верховного жреца нигде не было. Обойдя зал, Анил обнаружил небольшую дверь и за ней винтовую лестницу, ведущую куда-то вверх. Сунув шлем подмышку, он без колебаний начал подъем.

Узкая лестница привела юношу в чертог, расположенный под самой макушкой купола. Здесь не было спящих колдовским сном людей. Тут вообще никого не было. Только тот же непонятный рассеянный свет... И нечто вроде лодки с высокой кормой, стоящей посередине зала.

Анил осторожно подкрался поближе и увидел, что это не лодка вовсе, а ложе.

«А вот и Светоч!»

Да, в «лодке» несомненно находился Светоч – не живой и не мертвый. Он не дышал, но казалось – вот сейчас откроет глаза.

«Совсем как Замара в гробнице», – подумалось Анилу.

Верховный жрец Белазоры был весь опутан чем-то вроде слабо светящейся сети. Внутри прожилки, мерцающая, тек золотистый свет, который Анил сперва принял за свечение тела. Кажется, эта сеть выростала из самого ложа. Часть волокон была оборвана и свисала бесцветными мертвыми клочьями.

«Эге, старику тоже пришлось несладко...»

Рассматривая верховного жреца, Анил заметил следы крови на лице и шее. Похоже, кровь текла из ушей и глаз...

«Верно, волшебное ложе помогло Светочу выжить, – раздумывал Анил. – А сеть порвана оттого, что башня со всей дури грянулась об лед... Жив, нет – главное, очнется ли. Не шутка – с неба упасть...»

Внезапно Светоч открыл глаза.

Анил аж отпрянул. И от неожиданности – и от того, что предстало его взгляду. Прежде Светоч был золотоглазым, как и дед Анилы, как весь царский дом Аратты. Но сейчас глаза верховного жреца были красными, словно налитыми кровью.

Кажется, Светоч ослеп...

– Аюр? – прохрипел он, протягивая к Анилу трясущуюся руку.

– Ты не узнаешь меня, Светоч Исвархи? – спросил Анил, пожимая холодную сухую кисть. – Перед тобой Анил, сын Аршалая, из свиты государя Аюра. Вспомни, мы виделись прошедшей зимой у ведуньи Линты...

– Аюр... Я звал тебя, и ты пришел... Поистине, связь между детьми Солнца прочнее ткани этого мира...

Анил тяжело вздохнул:

– Я не Аюр, святейший! Я нашел твою башню с помощью вот этого шлема. – Анил достал шлем из-под мышки и показал старику. – Почему храм улетел из Белазоры? Это ты приказал ему?

Светоч улыбнулся, силясь приподнять голову. В углах рта выступила кровь.

– Башня Тысячи Звезд, – прошептал он. – Сейчас ты узнаешь...

Жрец шевельнул рукой, что-то шепнул – и в тот же миг стены и купол исчезли. Это произошло так внезапно, что Анил пошатнулся, хватаясь за край ложа, борясь с головокружением. Как Светоч это сделал?! Только что их окружали плотные стены и свод – и тут вместо них только черное, усыпанное звездами небо.

Совладав с дурнотой, Анил выпрямился и огляделся. Повсюду, куда достигал взор, поднимались укрытые снегами горы и сияющие голубоватым светом ледники. Над ними сияли звезды.

«Хаста там, внизу», – промелькнуло в памяти.

Но тут Светоч заговорил снова:

– Твоих предков именовали Идущие по звездам?

– Да, святейший, – изумленно ответил Анил. – Откуда ты знаешь?

– Мне ли не знать, – усмехнулся Светоч, устремив пустой взгляд кровавых глаз в темные небеса. – Если я – Видящий путь! – Он вдруг захихикал: – Видящий путь знает тропы небожителей и не видит лица сородича... Ложе Кормчего сохранило мне жизнь, но падение погасило для меня земной свет. Я еще могу прожить сотни лет, но не увижу твоих детей, солнцеликий Аюр...

– Ложе Кормчего?

Анил решил, что старик от удара повредился рассудком.

– Вспомни корабли, летящие среди звезд, что снились тебе с детства. Вспомни, как ты вел их через темные бездны!

Анилу стало жутко. Откуда Светоч знает? Он был подростком, когда его посетил яркий сон. В этом сне он вел корабль сквозь звездное небо. Звезды текли сияющим потоком, свивались в пляшущие вихри... Он держал в руках золотое рулевое весло. И летучий корабль подчинялся легчайшим его движениям... Это было лишь раз, но Анил долго не мог забыть тот сон.

«Не хочу ничего знать! Меня все это не касается!»

– Я не государь Аюр, – безнадежно напомнил он. – Я даже не совсем арий! Я ничего не знаю о небесных кораблях!

– А у меня нет времени уговаривать и объяснять, – отозвался верховный жрец. – Встань вон туда и возложи длань на кормило!

Анил с недоумением оглядел то, что сперва принял за высокую корму лодки. Перед ним была выраставшая прямо из изножья, затейливо украшенная золоченая рукоять рулевого весла.

– Я – Видящий путь, у меня власть над сердцем корабля. Я могу пробудить его, но не могу вести, – шелестел Светоч. – Это вы, Идущие по звездам, стояли у руля...

– Я так и не понял, святейший, чего ты от меня хочешь? – с подозрением спросил Анил. Держа в левой руке шлем, правой он осторожно потрогал золоченую рукоять.

– Я хочу, чтобы ты поднял корабль в небо.

– Я?! – Анил отдернул руку от кормила. – Я не имею права...

– Молчи!

В гаснущем голосе Светоча вдруг зазвенел металл.

– Время сомнений прошло. Ты рожден, чтобы поднять корабли в небо и спасти Аратту! Ты готов?

– Нет! – заорал Анил. – Я не Аюр! Я вообще никто!

– Ты – Идущий по звездам. Ты наделен властью вести золотые корабли по дорогам Исвархи! Приведи же его туда, где все началось!

Светоч закрыл глаза... и вдруг запел. Анил знал эту красивую «Песню о небесной тропе» из Ясна-Веды. Никогда прежде она не вызывала в нем такого ужаса.

– *Смотри, небесный корабль летит по тропе Исвархи, в стране облаков, в высях, где реют орлы...*

Башня вздрогнула от основания до макушки. Будто спала – и начала просыпаться, медленно вздыхая и потягиваясь. Анил ощущал это всем существом.

«Башня двигается, – трепеща, понял он. – Она поднимается!»

Снаружи донесся оглушительный треск и скрежет лопающегося льда.

– *Подобный летней зарнице, подобный огненному облаку, он повинуется велениям мысли,* – доносилось слабое пение Светоча.

– Там мой друг! – закричал Анил. – Хаста снаружи!

Его голос потерялся в грохоте. По стенам пробегали золотые сполохи. Башня сильно качнулась, потом еще раз. Светоч раскачивался в своей оплетенной золотыми нитями люльке... Анил уже не слышал его, но по губам старика видел – тот продолжает петь... Грохот превратился в невыносимый рев.

Цепляясь одной рукой за кормило, другой Анил кое-как нахлобучил на голову Шлем Исвархи. Это казалось ему самым разумным, что можно сделать.

Тут же все вокруг изменилось.

Ужас и растерянность юноши пропали, сменившись покоем, уверенностью и нарастающим чувством восторга. Золотое сияние облекало его, делая единым с кораблем. Они оба были созданы из этого света, который был и силой, и образом, и сокровенной сутью.

Анил глубоко вздохнул и взглянул вверх. Океан звезд вдруг показался ему черными водами, полными плавающих огоньков. Однажды он такое уже видел – то ли на осеннем празднике в храме Тысячи Звезд, то ли в своем волшебном сне. Он уже водил корабль по этому морю!

Руки юноши крепко взялись за рулевое весло. Кровь предков подсказывала ему, что надо делать. Одно движение – и корабль, легче пушинки, оторвался от черной глади, устремляясь ввысь – к горящим впереди огням.

Звезды текли потоком, свиваясь в мерцающие вихри. В лицо Анилу ударил нездешний ветер. Вихри огней превращались в звездный снегопад...

– Круче к ветру! – властно приказал кто-то.

«Да это же мой голос!» – понял в восторге Анил.

И, с силой налегая на кормило, направил свой корабль в звездные просторы.

* * *

Хаста не успел взобраться на холм. Едва он начал подъем, как земля дрогнула у него под ногами. Он обернулся и увидел, как оживает башня Северного храма.

Обледенелые скалы дрожали все сильнее. От низкого гула, отзывавшегося внутри костей, Хасту затошнило. Навалился звериный страх, требующий одного – бежать прочь!

По белому куполу упавшей башни начали пробегать золотистые извилистые молнии.

«Я схожу с ума, – подумал жрец, сжимая голову руками. – О Исварха, отец живущих...»

Но слова молитвы не шли на язык; невыносимый страх мешал думать и действовать.

Хаста упал на колени – ноги не держали его. Над ним, медленно поднимаясь из трещины, вырастала пробужденная башня. Святое Солнце, он и не подозревал, что башня Тысячи Звезд настолько огромна! Она поднималась все выше, пока целиком не показалась из разлома. Теперь Хаста отчетливо видел, что она висит в воздухе...

Внутренним чувством поняв, что сейчас будет, рыжий жрец упал ничком, закрывая голову руками, вжимая лицо в снег.

Солнечная вспышка ослепила даже сквозь закрытые веки. Низкий гул превратился в рев и оглушительный треск. Хаста приподнял голову и увидел, что башня исчезла – а мир рушится. Ледяные стены ущелья, из которого взлетела башня, обманчиво медленно расходились в разные стороны. Длинные трещины рассекали их сверху донизу, превращая в скопища шатких ледяных столпов. Каждый качался отдельно от прочих; иные сталкивались, разрушая друг друга; одни величественно росли, другие неотвратно оседали...

Склон, на котором находился Хаста, вдруг весь пошел трещинами. Жрец осознал, что и сам оказался на верхушке такого столпа. Ледяные стены устремились вверх, а сам он – вниз. Рев усиливался. Жрец увидел, как вскипает пена и навстречу ему поднимается водяной вал.

– Вот теперь, – пробормотал он, мельком удивляясь тому, как спокойно звучит голос, – пожалуй, можно начинать молиться...

Глава 7

Танец солнца

Зарни довершил бесконечно длинный, глубокий вдох и задержал дыхание, выравнивая биение сердца, впуская в себя звуки и запахи невидимой весны.

Нежные прикосновения солнечных лучей к щеке... Запах талого снега, хвои, дыма очага... Попискивание воробьев под стрехой... Напряженное сопение слуг со стороны амбара...

Слепец невольно усмехнулся. Бьяры уже знают: нельзя отвлекать хозяина в такие мгновения. Но их аж распирает от любопытства – чем занят божественный Зарни? Что за странный, пугающий танец ведет на положенном на крепкие козлы бревне? Что означают все эти причудливые движения рук, тела, шеи, пальцев, глаз? Наводит чары? Вызывает духов?

Танец назывался сурья-сана – круг солнца. Зарни обучался ему с детства, как все знатные сурьи. Он был одновременно и молением Сурье Исвархе, и отличным способом держать тело и дух в полной боевой готовности. Только очень сильные, выносливые, гибкие люди могли выполнить весь солнечный танец целиком. Конечно, Зарни был теперь не из таких. Но старикам, новичкам и калекам дозволялось исполнять ту часть танца, которая была им по силам. Ведь Сурья Исварха светит всем!

Ощутив, что сердце бьется мерно и ровно и душа наполняется спокойствием, Зарни начал медленный долгий выдох. Завершив его, он снова остановил дыхание и приступил к первой, самой легкой части – танцу восхода. Эта часть не требовала полного погружения – при должном навыке тело выполняло ее само, – зато помогала думать.

«Итак, жрец сбежал, – размышлял он, пока его искалеченное тело, словно невесомое, скользило над бревном. – А все жадность моя...»

Надо было убить жреца. Теперь Зарни отлично это понимал. А прежде – выбить из него все, что он знает! И чего не знает – тоже...

«Жрец пришел сюда, конечно, не случайно. Он явился к Линте. И не один, а с неким арием... А у того при себе было оружие – вероятно, добытое в одном из тайных храмов...»

«Почему же арий не помог жрецу сразу, как только того поймали?» – спросил себя Зарни, вставая на руки.

Эта поза требовала спокойствия и равновесия – в том числе и в мыслях.

«Потому что жрец ему не велел. Он еще не получил желаемого. Он готов был рисковать собой ради того, зачем пришел... Очень умный, хладнокровный мерзавец! Жаль, что для меня потерян такой ценный раб...»

Зарни на миг потерял равновесие и едва не сорвался с бревна.

«Хватит, – оборвал он себя. – Пустые, вредные сожаления! Не раб он был, а враг – хитрый, тонкий лстец, знаток человеческих душ. Он притворно дрожал за свою шкуру, очень правдоподобно восхищался мной... И я – о стыд! – начал важничать перед ним, любоваться собой... Вообразил себя всезнающим. Вот что достойно сожаления!»

Зарни прошелся на руках по бревну туда и обратно, напряг мышцы и подпрыгнул, совершив полный оборот в воздухе. Со стороны амбара послышались восхищенные ахи и охи.

«Не задумай я его искалечить – жрец до сих пор терся бы тут. Льстил, выводывал, высматривал...»

А еще Зарни догадывался, что неправильно оценил ранг жреца. Его сбило то, что хитрец не был арием. Обычно в столице простолюдины не поднимались выше настоятелей храмов Нижнего города. Этот же был явно из приближенных Тулума, прошедший особое обучение. Зарни понял это по тому, как жрец обошелся с Линтой. Подслушав допрос, лазутчик понял:

лекарке известно нечто важное. И убегая, внушил ей желание убить себя. Старуха, утратившая разум и волю, покорно перерезала себе горло...

В самом приказе умереть Зарни ничего необычного не находил. Он сам так много раз делал.

– А я даже толком ни разу не допросил его! – пробормотал он сквозь зубы, садясь на бревно верхом.

«Мне бы и не удалось его допросить, – утешал он себя. – Такие ничего не рассказывают. Он бы просто приказал сердцу остановиться и умер... А потом – как знать? – запустил его заново...»

Пора было переходить к полуденной сурья-сане – танцу с оружием. Но он требовал полной уравновешенности и безмятежности. А какая уж тут безмятежность, когда внутри все кипит от ярости?

Вместо этого Зарни сел на бревно, разведя руки в стороны, поднял лицо к небу и так застыл, глубоко дыша.

– Господин заснул, – еле слышно, как ему казалось, прошептал кто-то из слуг.

Зарни подавил ухмылку.

«А вот то, что жрец не попытался меня убить, – ни он сам, ни его арий, ни бьярский мальчишка, сбежавший вместе со взрослыми, – говорит очень о многом... И прежде всего о том, что у него не было такого приказа...»

Зачем же Тулум послал в Бьярму своего доверенного человека, если не с целью найти и убить Зарни?

«Жрец искал не гибели моей, а сведений... Что ж, все сложилось. Эту парочку послали искать то же, что ищу я. Тайный храм, накшатру!»

Наверняка именно поэтому жреца и сопровождал тот молодой арий, выскочивший из лесу, словно лешак из пня. Небесная кровь, открывающая храм избранным... Что ж там за огненный меч, о котором орали бьяры? Как теперь узнать?

«Никак», – признал Зарни.

Надо было ловить ария сразу – но кто бы этим занялся? Бьяры перепугались до смерти, никто не хотел гоняться по лесу за змеелюдом с волшебным мечом. Потом начался снегопад, завалил следы...

Самое смешное, что про Замарову падь слепому гусяру рассказал именно Тулум. Давным-давно, когда они были еще друзьями, соратниками в поисках истины, будущий верховный жрец пересказал придворному гусяру любопытные слухи. Дескать, в Бьярме, в глухом лесу, живет трехсотлетний арий. Местная деревенщина считает его могущественным колдуном. А еще у того ария есть золотой гроб. И когда Замара спит в том гробу, он не старится...

У Зарни были кое-какие мысли, что это за гроб и как он может пригодиться ему в будущем. Возможно, у Замары найдется и что-нибудь еще, такое же полезное.

А вот насчет Северного храма в Белазоре Зарни знал наверняка. Но одно дело – знать, а другое – оказаться рядом, когда взлетает башня! И теперь гусяр в душе холодел от страха, понимая: колдовская башня может в любой миг возникнуть из пустоты и свалиться ему на голову...

Поначалу, после исчезновения храма, Зарни попросту хотел убраться подальше от Белазоры и спрятаться в глуши. Но потом опомнился, пришел в себя и решил продолжать задуманное. Так он и оказался в Замаровой пади. Здесь его ждали две новости, плохая и хорошая. Бессмертный Замара все-таки умер и был похоронен в своем золотом гробу под какой-то горой. Зато обнаружилась его ученица, лекарка Линта, в которой Зарни с изумлением узнал старую знакомую – служанку своей бывшей возлюбленной...

Устроившись на подворье колдуна, Зарни первым делом приказал бьярам перебить старых слуг. Он давно решил это сделать, еще в Ингри-маа, когда от него сбежала подлая Кирья,

прихватив Лук Исвархи. Гусяр не хотел оставлять в живых свидетелей своего поражения. И вообще, эти дривы были с ним слишком давно и чересчур много о нем знали. Да, они были ему преданы всем сердцем; да, они вместе прошли огромный путь... Но, избавившись от них, Зарни ощутил только облегчение.

Одно радовало – старая знахарка еще не окончательно выжила из ума, и гусяру удалось выудить из ее памяти множество нужных сведений. Линта всегда была болтуньей. Теперь Зарни узнал про Замару все, что требовалось. Никакой накшатры тут не было: разрушенная, она находилась на дне Змеева моря, порождая чудищ и приливные волны. Замара единственный спасся оттуда в древние времена благодаря тому самому золотому гробу. Значит, то был не гроб, а крылатая лодка...

Линта рассказала гусяру и о том, что осенью тут жили глава Северного храма, Светоч Исвархи, и тогда еще наследный царевич Аюр. Светоч, судя по всему, занимался тем же, что и Зарни, и шел тем же путем, но опережая его. Старый жрец с царевичем добрались до могилы Замары и принесли оттуда нечто, прозванное Линтой золотым корабликом.

Про этот «кораблик» Линта твердила не переставая – особенно после того, как Зарни взломал ее память и тем окончательно свел с ума. Понятно – именно «кораблик» Линта и хотела от него скрыть, а потому все время о нем думала и говорила. Зарни ее заикленность только раздражала. Он был уверен, что речь о том самом золотом гробе.

«Ради крылатой лодки я не стану гоняться за царевичем. Это лишь меньшее из сокровищ...»

Бурный поток мыслей начал наконец успокаиваться. Гнев и досада отступили. Все ненужное, суетное и бречное опустилось на дно, на поверхность поднялось лишь важное.

Губы гусяра зашевелились, беззвучно повторяя «Слово о Четырех, Шести и Тридцати двух» – одну из самых тайных, тщательно скрываемых от всех древних книг. Едва ли даже государь Ардван о ней знал...

Подумать только – тот свиток ему тоже показал Тулум!

– Есть четверо летящих тропой богов в стране облаков, в высях, где реют орлы. Первым – лодка крылатая, подобная молнии, – быстрее мысли гонца донесет. Вторым – огненный ливень, слепящая туча, небесная колесница Исвархи...

Сокровенное пение Зарни было прервано самым неприятным образом. Слуги, решив, что он спит, некоторое время назад ушли за амбар, и теперь оттуда доносилось нестройное треньканье.

Зарни скривился. Он уже не раз слышал это ноющее гудение жильных струн, которые тщетно пытались сделать звонче, натянув на корытце, выдолбленное в цельном еловом стволе.

«Еще и не настроили», – подумал он раздраженно.

– Перестаньте! – крикнул он. – Слушать противно!

Треньканье сразу затихло.

– Прости, господин! – послышался испуганный голос. – Мы думали, ты задремал... Мы же потихоньку... А то уж больно скучно...

– Ах, вам скучно? Так я вам найду занятие.

– Прости, господин! – взвыло сразу несколько голосов. – Старый, убери свой кораблик с глаз подальше...

– Кораблик? – медленно повторил Зарни. – Какой еще кораблик?

– Поющий кораблик, господин. Так по-нашему гусли зовутся. Старый, тащи сюда...

Вскоре в руки гусяра вложили еловое корытце с высокой шейкой. Зарни огладил его ладонью. Занятно устроено – короб длинный, а шейка торчит вверх, будто в самом деле острый нос корабля. Струны натянуты, словно канаты. В самом деле кораблик...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.